

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧУЖАЯ СИЛА

Отдел 15-К

Андрей Васильев

Чужая сила

«Автор»

2017

Васильев А. А.

Чужая сила / А. А. Васильев — «Автор», 2017 — (Отдел 15-К)

...Что можно получить, совершив доброе дело? Например – благодарность. Или – похвалу. А может – просто хорошее настроение. Но это если все пойдет так, как у людей водится. Но если нет... Вот Александр Смолин, обычный московский парень, работающий среднестатистическим клерком в банке, помог вроде бы самому обычному старику, когда тому стало плохо на улице. Правда, помощь запоздала, старик умер. Казалось бы – штатная ситуация. Но старик тот возьми, да и окажись ведьмаком. А тем перед смертью непременно кому-то свою ведьмачью силу передать надо, вот Смолин и попал под ее раздачу. И тут такое началось...

© Васильев А. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Александрович Васильев

Чужая сила

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, происходящими или произошедшими ранее событиями – не более чем случайность.

* * *

Глава первая

Спешка – враг всего сущего на земле. Мне это прекрасно известно, поскольку с раннего детства мама и бабушка неустанно повторяли в унисон: «Санечка, если не хочешь никуда опаздывать – учись бережно обращаться со временем. Собирайся заранее, выходи из дома с запасом». И так – изо дня в день, из года в год. Вот только не пошла их наука мне впрок – я все равно не научился искусству приходить куда-то вовремя. То есть – иногда мне это удается, но какой ценой! Растрепанные волосы, учащенное дыхание и красные щеки – вот обычный результат моих забегов на короткие, средние и длинные дистанции. Как сказал бы мой приятель Павел, я выгляжу так, словно только что кого-то... Ну, вы поняли.

Да кабы так, то еще ничего, мне бы не так обидно было. Это и вспомнить приятно, особенно если женщина была красивая. Да шут с ними, с воспоминаниями, тут даже сам факт того, что красавицу вот так, на ходу, между прочим... Самооценка до небес взлетит. Проще говоря – это причина, которой можно не стыдиться. А у меня что? Как правило, это поиски свежей или хотя бы не слишком мятой сорочки, а также попытки обнаружить в квартире местонахождение смартфона, вот типовые причины того, почему я всегда опаздываю. Это даже не следствие моей безалаберности, это просто фигня какая-то. Я даже иногда думаю – может, меня кто-то проклял?

И если уж совсем честно – на кой ляд я сдался очень красивой женщине? Кто я такой есть? Среднестатистический клерк со всеми прилагающимися к этой общности людей характерными чертами, то есть – с намечающимся от сидячей работы и сухомятки животиком, зарплатной картой, на которой постоянно нет денег, и перманентно сонными глазами.

Да еще и с дурацкой привычкой везде опаздывать, а особенно на работу. И налетать за это на штрафы.

В довершение всего, недавно у нас на работе турникеты установили, те, к которым личные карточки надо прикладывать. И теперь в начале каждого месяца подводится эдакий баланс – кто на сколько опоздал, кто как часто курить бегал, ну и так далее. Начальник службы безопасности Силуянов лично все проверяет, и в эти дни из глубин третьего этажа нашего здания, из того отсека, где «безопасники» сидят, раздается его демонический смех. Я как-то его слышал, когда к ним документы на визирование относил. Очень страшно. Seriously.

Впрочем, это рвение легко объяснимо. «Безопасникам» этот турникет надо как-то окупать, и делается это за наш счет. Штрафы – они такие штрафы, и никого они не минуют. А особенно – меня.

Просто мне от службы безопасности перепадает больше, чем остальным. Силуянов меня отчего-то сильно не любит, причем этого даже не скрывает. В чем причина – неизвестно, но факт есть факт. Если к кому-то, вроде Пашки Винокурова из казначейства, он иногда благоволит, закрывая глаза на более-менее несерьезные проколы, то все мои «косяки», даже мельчайшие, непременно активируются и превращаются в служебные записки, которые идут на стол к руководству. Я иногда уже чихать боюсь, серьезно. А вдруг обвинят в том, что сознательно собираюсь заразить особо злобным вирусом гриппа всех-всех-всех сотрудников нашего банка, а это уже диверсия. Или даже хуже того – теракт. Накатает особо злобную «телегу» председателю правления, выведут меня во внутренний двор и, даже не дав сказать последнего слова, расстреляют. Единственный плюс в этом – попробовать перед словом «Пли!» все-таки высказать этому блюстителю порядка все, что я о нем думаю. Выкрикнуть: «Гад ты плешивый!» и принять в грудь град пуль, а после красиво завалиться на бок, пятная кровью асфальт.

Тьфу, какая чушь в голову лезет сегодня. Хотя – когда о подобной ерунде размышляешь, то дыхание от быстрой ходьбы, почти бега, не так сбивается.

Итак – с самого начала, а то я опять бегу впереди паровоза. Впрочем, это моя отличительная черта – я все время спешу, даже в рассказе о себе. Меня зовут Александр Смолин, я работаю в одном из московских банков в службе финансового мониторинга. Мне двадцать четыре года, я не женат... Уже не женат. Хотя, по здравому размышлению, назвать браком шесть месяцев непрерывных скандалов, первый из которых грянул сразу после росписи, а последний завершился в аккурат после получения свидетельства о расторжении брака, трудновато. Для меня самого загадка – зачем я тогда в ЗАГС направился вообще? Точнее – мы направились. Ведь с самого начала было понятно, что это попытка с негодными средствами. Впрочем, это вопрос, на который ответ не будет дан никогда. Если бы хотя бы половина мужчин смогла ответить на него, то одной извечной тайной бытия стало бы меньше.

Нет, на самом деле все было не так уж и плохо сначала. Мне иногда кажется, что если бы мы со Светкой не завершили «конфетно-букетный» период так стремительно, то все могло бы быть по-другому. Хотя – нет. Ее мама все равно приняла бы деятельное участие во всем происходящем.

Не стану скрывать – процентов на пятьдесят я виню в нашем разводе эту старую... Леди. Думаю, вы поняли, какое слово я имел в виду, да? Там нет никакого носа крючком и седых патл под платком, напротив – Полина Олеговна очень за собой следит, тратит кучу мужниных денег на процедуры и, подозреваю, даже делала пластику. Но все равно она... Да ведьма она, чего уж.

Ладно, все. Ведь давал же себе слово забыть и о Светке, и о ее мамаше. Что было – то прошло. Как там у нас в корпоративном уставе написано? «Мы команда единомышленников, уверенно смотрящая в будущее». Ну слово «команда» следует заменить на «террариум», а так все верно. Позитив и уверенность – вот что следует излучать сотруднику преуспевающей компании. Нет-нет, тут никакой иронии, пока все так. Мы даже проверку ЦБ благополучно прошли, по нашим временам это серьезный показатель успешности.

И это, бесспорно, заслуга всего коллектива.

Черт.

Прав был Винокуров, через какое-то время мы все начинаем думать и говорить казенными штампами, фразами из должностных инструкций и рекламных буклетов. Даже в быту. Даже с самими собой. Я думал, он шутит, но похоже, что нет.

Я мчался по Гоголевскому со скоростью чайки, летящей над бушующим морем к берегу, мой «самсонайт» хлопал меня по боку. А может – успею? Что там осталось? Семь минут? Точно успею – сейчас на переход, и вот он, Сивцев Вражек.

Наш славный «СКД-Банк» расположен отменно, это частично компенсирует не самую большую по столичным меркам зарплату, периодическое помешательство высшего руководства, выражающееся в генерировании изначально невыполнимых идей, и придирки Силуянова.

Сивцев Вражек – это очень уютная московская улица, которая умудрилась сохранить свое лицо даже в наше стремительное время. В ней есть какое-то очарование той Москвы, которую теперь все чаще называют «старой», причем имея в виду не восемнадцатый и девятнадцатый век, а середину-конец двадцатого.

Девяностые годы, понятное дело, ее все-таки потрепали, несколько зданий перестали существовать, но все-таки эта улица сумела уцелеть. Вроде вокруг центр, с его круглосуточным шумом большого города, слева Остоженка, справа – Новый Арбат, и при этом на Сивцевом Вражке всегда тишина и покой.

Плюс – до «Кропоткинской» недалеко. Или – до «Смоленской», хотя туда топать подальше будет. Это очень удобно, когда разные ветки метро рядом. Наша жизнь такая – никогда не знаешь, куда тебя вечером занесет.

Хотя меня редко куда-то заносит в последнее время. И сам не хочу, да и, если честно, – не зовут никуда особо. Да и раньше не звали, еще в институте. Это Винокуров у нас фейерверк, вокруг него даже воздух искрит. Шутки, прибаутки и все такое прочее, включая восхищен-

ные взгляды девчонок из кредитного и даже операционного. Просто последних чем-то удивить сложно, они с клиентами работают, а это полностью отбивает все чувства – от удивления до отвращения. На «текучке» сидеть – это, я вам скажу, еще то удовольствие.

Так вот – он такой, а я... Я не умею вот так создавать вокруг себя праздник. И рад бы, да не получается так, как у Пашки. Хотя, что врать – хотелось бы.

Нет-нет, я тьюфом никогда не был, но и в заводилах сроду не ходил. Не хватает мне для этого чего-то. Чего именно – не знаю. То ли напористости, то ли уверенности в себе, то ли еще чего. Например – харизматичности.

Светка говорила, что я просто не умею в нужный момент подать себя соответствующим образом и проявить необходимую гибкость и предприимчивость. Ну это я красиво завернул, так-то она меня просто «тюленем» называла. Но смысл-то этот?

Ну да, не умею. Дома решаю вечером – пойду и потребую. А на работе как-то не выходит реализовать задуманное. То не ко времени, то еще что. Или просто ежедневная карусель закружит, и вспоминаешь о задуманном только по дороге домой.

Потому, наверное, и сижу на своей должности уже третий год без повышения. Не скажу, что меня это сильно расстраивает, но все-таки немного обидно, что Людка Кузнецова, пришедшая через год после меня и у меня же обучавшаяся, уже заместитель начальника отдела, а я все так и роюсь в проводках предыдущего дня, отыскивая среди них сомнительные операции.

Успокаивает только то, что я не один такой. Имя нам – легион. И успокаиваем мы друг друга на перекурах фразами вроде:

– Зато нам любая проверка пофигу. Отдуться-то начальникам, а мы свое дело сделали – и домой.

Сомнительное утешение, но лучше такое, чем никакого.

Вот так, за размышлениями, я пробежал половину Гоголевского бульвара и был совсем рядом с переходом, за которым начинался Сивцев, но тут меня остановил женский оклик:

– Молодой человек, вы не можете? Тут дедушке плохо, надо его хотя бы поднять, что же он так лежит? А нам не справиться.

Я посмотрел налево – и верно, на скамейке боком лежал тучный старик с багровым лицом, а около него сутились две женщины. Как видно – молодые мамы, поскольку рядом с ними стояли прогулочные коляски с карапузами, с интересом наблюдавшими за происходящим.

– Не можем поднять, – жалобно посмотрела на меня одна из женщин, миниатюрная брюнетка. – Очень он тяжелый. «Скорую»-то мы вызвали уже, да пока она сюда доедет.

– Может, тогда лучше и не трогать? – резонно предположил я. – Пусть себе лежит. Пошевелим его, а в голове дедушки какой сосудик лопнет, еще хуже все станет.

Не скажу, что мне было трудно им помочь, но мне эта идея не очень понравилась. Сейчас я его подниму, он, не дай бог, крикнет, и быть мне крайним.

– Надо, – с уверенностью человека, который превзошел все тайны медицины, сказала брюнетка. – Я читала. И у Малышевой видела в программе. Или не у Малышевой? В общем – надо.

Ну раз у Малышевой – тогда конечно. Да и что теперь? Остановившись рядом со скамейкой, я все равно опоздал и тем самым обрек себя на очередную объяснительную. И штраф.

Я перекинул ремень «самсонайта» через шею, чтобы сумка не мешала, и посмотрел на старика.

Глаза у него были плотно закрыты, он трубно сопел красным широким носом, чем-то напоминая закипающий чайник, на виске дергалась жилка. Как видно, ему и впрямь было плохо.

Под мышками белой, в мелкую клетку, рубахи у него расплылись темные пятна, что и неудивительно – утро выдалось жарким, благо июнь на дворе, а масса тела у деда изрядная. Еще подниму ли, что-то я в этом засомневался.

– Ну-ка, отец, – я чуть присел, подхватил его под руки, чуть поморщившись от ударившего в нос запаха старости и пота. – Что же это тебя так растопырило-то?

– Так годы, – заставив меня вздрогнуть, басом ответил дед. – Дожали, проклятые.

Напрягая все свои скромные силы (я не спортсмен от слова «совсем») мне удалось усадить старика. Сделав это, я плюхнулся на скамейку рядом с ним.

– Дедушка, может, вам таблетку? – спросила у него сердобольная брюнетка. – У меня, правда, нитроглицерина нет и валидола тоже, но есть «ношпа».

– Что мне твоя таблетка? – так и не открыв глаза, спросил у нее старик. – Все уже, пора мне за кромку. Тут лекарства не помогут, тут другое надо.

– Зря вы так, – вступила в беседу вторая женщина, в отличие от своей подруги – блондинка. – Я вот недавно в журнале читала, что наша жизнь зависит от нас самих. Если говорить себе, что ты здоров, то и будешь таким. Если в это по-настоящему верить, имеется в виду. Нет, медицину со счетов списывать не следует, это само собой, но эмоциональный настрой, постоянный позитив очень многое решает.

– Ну да, ну да, – расхохотался дед, показав на редкость хорошие для своего возраста зубы. Может – вставные? – Скажешь – не болят кишки, вот они и пройдут сами по себе.

Смех, похоже, подкосил его окончательно, поскольку он сразу же закашлялся, хрипло задышал и приложил руку к правому боку.

– Плохо, – сообщил старик нам и наконец открыл глаза. – Не поможет мне вера, вот какая штука, девки. Не может помочь то, чего нет.

Женщины поджали губы, как видно, слово «девки» им не сильно понравилось.

Судя по всему, дед был плох, но прямо сейчас богу душу отдавать не собирался, потому я счел свою миссию выполненной. Я не медик, что мог – то сделал.

– Пойду, – я встал со скамейки. – Просто мне на работу пора.

– Спасибо тебе, парень, – прогудел старик, повернув ко мне голову. – За помощь – спасибо.

Я пересекся с ним взглядом и немного опешил. Это у него линзы, что ли? Просто до того я не видел у людей такого радикально-зеленого цвета глаз. Я вообще не очень хорошо разбираюсь в их цветах. Кто-то вот различает карие глаза и голубые, а по мне все они на одну колодку. Но тут все было очень уж ярко выражено.

– Да не за что, – я глянул на экран смартфона, который достал из кармана, и убедился, что точно опоздал. – Все мы люди, все мы человеки.

– Спорный вопрос, – заметил старик, закашлялся, а после вытер рот рукавом рубашки. – Можешь мне поверить. Да постой, куда собрался? Скажи, ты из городских?

– В смысле? – не понял вопроса я.

– Родом из города? – уточнил старик.

– Ну да, – меня, если честно, он начал раздражать.

Ну вот какое ему дело до того, где я родился? И потом – не люблю я откровенничать с незнакомыми людьми.

– А родители твои – тоже городские? – настырничал он.

– И родители, и родители родителей, – добавив в голос сарказма, ответил я. – Дедушка, я пойду, извините. Времени совсем нет.

– Да и нам пора, – сообщили почти в унисон женщины с колясками.

– Плохо, – пожевал губами старик. – Городской, да еще и обормот, похоже, изрядный. Вон рубашка-то из штанов торчит. Иэ-э-эхх... Ладно, парень, держи руку, что уж теперь.

Я не понял сначала насчет рубашки, но, бросив взгляд вниз, сообразил, о чем говорит странный дед – вылезла она немного из-под ремня. Тоже мне, модный критик. Бывает. Не из ширины же?

Заправив ее, я заметил, что дед так и не опустил руку, протянутую мне. Мало того – он внимательно смотрел на меня, явно ожидая ответного жеста.

Надо позать – пожму, ничего такого здесь нет. Может, после этого он от меня отстанет, и я наконец-то с чистой совестью отправлюсь на работу?

Широко улыбнувшись (люди это любят) я сжал его широченную ладонь. Точнее – попробовал это сделать.

– Тонковат в кости. Эх, городские! – просипел дед, сжимая мою руку. – Ладно, ничего. Главное, чтобы стержень внутри был, чтобы сдюжил. Чтобы, значит, не пропало...

Что он имел в виду под словом «не пропало», я так и не понял. Да и когда? Дед закрыл глаза, его рука сжалась как клещи, сдавив мою ладонь так, что я даже взвыл от боли, но это были еще цветочки.

Ягодки начались через пару секунд. Меня как молнией от головы до пят пробило, это точно был электрический разряд, его ни с чем не спутаешь. В детстве я как-то мамину шпильку в розетку засунул, так что ощущения помню прекрасно. Как вообще меня тогда не убило, до сих пор голову ломаю.

Вот и здесь было то же самое. Меня пару раз трянуло, я попробовал вытащить свою руку из железного захвата старика, но сделать этого не удалось. А потом в голове что-то бумкнуло, перед глазами рассыпался яркий пучок искр, и я потерял сознание.

– Помер он, – именно это было первое, что я услышал, когда пришел в себя. – Не дышит. А твой?

Мне на лицо полилась какая-то жидкость.

– Вроде живой, – неуверенно произнесла брюнетка, голос которой я узнал.

– Живой, – недовольно сказал я и открыл глаза. – Все-все, не лейте больше!

Представляю, что стало с воротником рубашки. Да что с воротником, с моим внешним видом в целом. Лежание на земле, пусть даже она и находится на благоустроенном и аккуратненьком Гоголевском бульваре, не способствует сохранению опрятного внешнего вида.

Что это было-то? Что меня дернуло так, что я даже сознание потерял? Ерунда какая-то.

– Ну хоть этот в порядке, – обрадовалась вторая женщина и испуганно посмотрела на деда, который так и сидел на скамейке, снова закрыв глаза.

Хотя – нет, не так. Проглядывала в его облике какая-то неуловимая деталь, безоговорочно свидетельствующая о том, что этот человек не спит, не думает о чем-то, а мертв. Какая-то фатальная расслабленность была видна сейчас в позе старика, слишком уж умиротворенное лицо, у живых такого не бывает.

Говорят, что раньше, в старые времена, люди мертвецов боялись. Не в мистическом смысле, ходячие трупы бывают только в фильмах ужасов, а просто – не любили люди вида смерти. Такое уж свойство есть у человеческой природы – живое живым, мертвое мертвым. Нет, есть отдельные личности, которым Смерть сестра, подруга и сфера деятельности, но это скорее исключения из правил. Понятно, что медикам и полицейским без этого никуда, но остальные люди, с более мирными профессиями, старались держаться от мертвых подальше. Ясно, что совсем уж отстраниться от этого у них не получалось, но одно дело свой мертвец, дедушка там, или бабушка, и совсем другое – совершенно незнакомый тебе покойник.

Три последних десятилетия отучили горожан, по крайней мере московское население, бояться подобного. «Ревущие девяностые», с их постоянными перестрелками и утренними трупами на улицах, в результате отбили у людей привычку с воплями шарахаться от мертвых тел. Как, впрочем, и без особой нужды их трогать, чтобы не нажить себе лишних проблем. Одно время было так – кто нашел покойника и о нем сообщил куда следует, тот и есть злодей-убийца. Циничные же «нулевые», в которые я рос, в свою очередь выработали дополнительный защитный рефлекс при виде чужой боли, бед и смерти, добавив людям некую толику

равнодушия. Что поделаешь – люди смертны. И потом – все там будем. Со своими бы проблемами разобраться.

Говорят, что на периферии народ душевней, мимо не пройдет, поможет незнакомому человеку, даже если тот не просит о помощи. Хорошо им там. У нас такого давно нет.

Вот и сейчас – вроде бы что-то не то происходит, один человек, похоже, помер, второй валяется на земле и его поливают водой, а люди знай проходят мимо. Бросят любопытный взгляд, блеснут глазами – и бегут дальше. Все так, все верно – пока к ним не обратились, лезть не стоит. От греха.

Нас это не касалось, мы уже по самые уши вляпались в ситуацию. Нет, дед, который еще пару минут назад кхекал, говорил странные вещи и трубил носом, а сейчас безмолвно раскинулся на скамейке, бесспорно вызвал у нас троих чувство жалости – все-таки живой человек был. Но почти немедленно к жалости примешалось и раздражение, по крайней мере у меня.

– Новое дело, – я встал на ноги и отряхнул брюки. – Он еще и помер. Ну все, теперь точно прогул заработаю. Пока полиция приедет, пока протокол составят... Еще и в отделение небось потащат.

– Мы не можем в отделение, – переглянулись женщины. – Нам скоро есть и спать. У нас режим.

– Вы спортсменки, что ли? – изумился я.

– Да нет. Нам – это в смысле им, – брюнетка показала на серьезного малыша в коляске и звонко рассмеялась, но тут же осеклась, испуганно посмотрев на покойника. Ну да, рядом с мертвым телом как-то неловко хихикать. – У вас просто детей нет, а то бы поняли.

– У вас режим, у меня работа, – я снял сумку и поставил ее на скамейку, после стянул с себя пиджак. – В результате ни мне, ни вам не видать желаемого. Черт, черт, вся спина утвиздалась!

– Скажите, – блондинка качнула коляску. – А вы отчего в обморок упали?

Ее подруга немедленно с интересом уставилась на меня.

– Не знаю, – я постучал рукой по пиджаку и поморщился при виде пыли, которая из него полетела. – Сам не понял. Но вообще он мне руку очень сильно сжал, чуть не раздавил.

– Наверное – болевой шок, – со знанием дела сказала брюнетка. – У Малышевой про такое рассказывали.

– И у доктора Комаровского тоже, – поддержала ее подруга.

– Девушки, милые, – я натянул пиджак и закинул сумку на плечо. – Давайте я вам оставлю свой телефон и пойду, а? Мы же взрослые люди, понятно, что дед помер сам по себе, скорее всего от инфаркта, медики наверняка это подтвердят. А если у «ментов» будут вопросы, то я подъеду куда надо и дам показания.

Вообще-то это было не очень правильно, в подобных ситуациях лучше разбираться на месте, но очень мне не хотелось заработать прогул. Силуянов его точно не проморгает, накает докладную и отправит ее наверх. Не скажу, что у меня служебное положение шаткое, но кто знает? Лишний «косяк» никому не нужен.

Впрочем, можно будет у полиции справку выпросить, они вроде такую выписывают. В конце-то концов – я гражданский долг выполнял, помогал ближнему своему.

– Нет-нет, – посерьезнела блондинка. – Оставайтесь с нами. Мало ли что?

– И вообще, правильней будет, если мы уйдем, а вы останетесь, – поддержала ее брюнетка. – Вы, в конце концов, мужчина, вам и разбираться. У меня вот муж...

Что там у нее с мужем, я так и не дослушал, поскольку заметил полицейский наряд, который неспешно шествовал по бульвару, как видно, совершая свой будничные обход.

– Господа полицейские! – зычно крикнул я и помахал рукой. – Можно вас?

Немногочисленные прохожие с большим интересом стали окидывать нас взглядами, но все так же шествовали мимо.

– Сержант Сеницын, – козырнул один из полицейских, когда наряд подошел к нам. – Что у вас слу... Опа. Жмурик.

– Ага, – вздохнул я, показывая на старика. – Меня вот женщины окликнули, сказали, что деду плохо, он даже на скамейку завалился. Мы его подняли, он с минуту поговорил, руку мне пожал, вроде как вместо «спасибо», и того... Вот и вся история.

– Инфаркт, – со знанием дела сказал второй, безмянный полицейский. Он осмотрел тело, оттянул веко, пытаясь что-то увидеть в мертвом глазу старика, и сейчас деловито и умело лазал по его карманам. – Саш, документов нет. Свезло нам, получили мы неопознанный труп.

– Он вам никак не представился? – с надеждой поинтересовался у нас сержант Сеницын. – Может, фамилию свою назвал или хотя бы имя?

– Нет, – покачал головой я. – Ничего такого не было.

– Я так думаю, он деревенский был, – неожиданно подала голос блондинка. – Речь у него была не городская. Нас девками назвал. Не в смысле – девки из сауны, а так, как в деревнях говорят.

– Да-да, – подтвердила брюнетка. – Так и было.

– Час от часу не легче, – вздохнул безмянный полицейский. – Ладно, надо труповозку вызывать. Скоро тут солнце будет, дед тучный, начнет еще оплывать. Да и детей скоро прибавится, ни к чему им на такое смотреть.

– Мы «скорую» вызвали, – поделилась с ним брюнетка. – Минут как пятнадцать уже.

– Молодцы, – одобрил сказанное сержант Сеницын. – Давайте-ка я пока ваши данные перепишу. Скорее всего, вам придется подойти к нам отделение, дать показания.

– Но это не сегодня? – с надеждой спросил я. – Не сейчас?

– Нет, – обрадовал меня сержант. – На неделе. Следователь с вами свяжется. Да тут дело ясное, не переживайте. Пожилой человек, грузный, перепады температур, вот и... Сами посушите – пять дней назад жара, три дня назад чуть ли не минусовая температура, а сегодня опять пекло. Такое не всякий молодой легко перенесет. У меня вот голова болит не переставая.

К моей великой радости, все закончилось довольно быстро. Сержант Сеницын записал в блокнот наши данные, для проверки набрал телефонные номера, убедился, что они действительно существуют, и наконец сказал:

– Все, граждане, больше не задерживаю. С вами свяжутся.

Я распрощался с женщинами, которые тоже были невероятно рады тому, что все закончилось, и поспешил к переходу.

Уже перейдя дорогу, я зачем-то обернулся и увидел, что к полицейским, присевшим на лавочку рядом с трупом, подошла парочка – молодой парень в светлой куртке и невысокая девушка, чьи рыжие волосы ярко блеснули в лучах утреннего солнца.

Интересно, это кто? Ну не сердобольные же граждане? Хотя – чего гадать? Какая мне теперь разница? У меня теперь другой вопрос на повестке дня стоит – как в банк пройти.

Дело в том, что для сотрудников у нас есть отдельный вход, где как раз и стоят вышеупомянутые турникеты, которые фиксируют время прихода и ухода. Но кроме него, естественно, есть еще и парадный вход для клиентов, большой и красивый, отделанный мрамором и с дверями на фотоэлементе. Иногда серьезно опоздавшие сотрудники именно через него умудряются проскользнуть на работу, но тут все не так просто. Во-первых, многое зависит от того, какая смена охранников несет вахту. Есть ребята, которые прикроют и промолчат, а есть такие, которые непременно заложат, да еще и подтвердят это видеокадрами с камер наблюдения. Во-вторых, тут может возникнуть некая коллизия – турникет не отметит того, что ты вообще пришел в офис, то есть тебя вроде как и нет. Но при этом по факту ты есть, и это все подтвердят. Силуянов поймет, в чем дело, и затаит зло. В-третьих, самое неприятное – если тебя на подобном прищучат, то неприятности будут куда более серьезные, чем если ты просто опоздаешь. Одно дело – нарушение трудовой дисциплины, другое – попытка умышленного обмана службы

безопасности и руководства банка. Это не я такую фразу придумал. Это так Ленку Денисенкову недели две назад честили на «разборе». Ее как раз на подобном прищучили и по этой причине почти полчаса в кабинете начальника отдела по работе с персоналом препарировали, мозг чайной ложкой не торопясь выедали.

Впрочем, она легко отделалась, штрафом. Мне такое не светит, мне в подобном случае чего-нибудь похлеще впаяют. Могут даже сослать в дополнительный офис, куда-нибудь в Обнинск или Электроугли. Нет, это не каторга, и там люди работают, даже есть плюсы, например – отношения в коллективе получше. Оно и ясно – руководство-то все в Москве, отсюда и размеренность бытия, все чинно, благородно, по-семейному. Но сколько туда пилить-то каждое утро и оттуда каждый вечер? Застрелиться и не жить.

Я так и не вспомнил, кто сегодня на главном входе стоит, и решил не рисковать. Черт с ним, штраф так штраф. Будем считать, что я того неизвестного мне деда таким образом помянул.

Впрочем, уже через пару минут я об этом решении пожалел. Прямо у турникета я лоб в лоб столкнулся как бы вы думали с кем? Ну да. С Силуяновым.

– А вот и Смолин! – радостно, как-то даже по-детски обрадовался мне он и раскинул руки, как бы предлагая: «Давай обнимемся». – Голубь ты мой сизокрылый. Опять влетел?

– Не без того, Вадим Анатольевич, – хмуро ответил я, признавая очевидное. – Но у меня есть уважительная причина.

– Как и всегда, – Силуянов подошел ко мне, ухватил за плечи и немного потряс. – Как и всегда, Смолин. У тебя все дела да случаи. Но всему в этой жизни приходит конец, включая и мое терпение. Все, «дитя солнца», достал ты меня. Иди на свое рабочее место и жди моего звонка. Я вот сейчас на тебя статистику подберу, в папочку ее аккуратно положу – и пойдем к Чиненковой, там беседу продолжим.

Чиненкова – это как раз тот самый начальник отдела по работе с персоналом. Тетка она лютая и безжалостная, потому и отдел этот называют обычно не «по работе с персоналом», а «по борьбе с персоналом».

– Может, не надо? – решил все-таки попробовать выкрутиться я. – В последний раз?

– Надо. Надо, – заверил меня Силуянов, улыбаясь как родному. – Тем более, что в последний раз я тебя как раз пожалел и даже дал добрый совет. Практически отеческий. Ну, вспоминай.

Я почесал затылок. Не помню. Я его тогда особо не слушал, что он нового сказать-то может? Поорал он тогда на меня, да и отпустил.

– Вот, – Силуянов ткнул мне пальцем в грудь, попав в аккурат в галстучную булавку. – Ты меня даже не слушал. А я тебе сказал – купи себе вазелину и держи его в ящике стола, скоро пригодится. Не купил? Зря. Насухую больше будет.

– Ха-ха-ха, как смешно, – не удержался я, понимая, что терять уже нечего. – Ну если мне все равно кранты, так я пойду пока, поработаю? До экзекуции?

– Иди. Иди, родной ты мой, – Силуянов сделал некий жест рукой, показывая, что дорога свободна. – И жди звонка. Я подготовлю все быстро, у меня ты на особом контроле.

Вот чего он так на меня взъелся? Дорогу я ему не переходил, денег у него не занимал, даже за спиной гадости почти не говорил. Ну всяко меньше, чем другие. Но при этом дрючит он меня куда больше, чем остальных. Может, он из этих самых, и так мне свою любовь демонстрирует? Ну школьники понравившихся девчонок за косы таскают, а начальник службы безопасности, соответственно, знай штрафы выписывает.

Хотя, даже если он не из этих самых, то он все равно к ним относится. Если и не по сексуальной принадлежности, то духовно точно.

Такая меня злость взяла, вот только выхода у нее не было. Что я могу сделать? Да ничего. Только уволиться, но и это ни к чему хорошему не приведет, Силуянову-то от этого ни жарко,

ни холодно. Больше скажу – он только порадуетя, а потом мне еще и жизнь испортит. Из других мест за справкой о моем нравственном и профессиональном статусе к нему же звонить и будут. Представляю, что он наговорит.

– Чтоб тебя стошнило, – прошипел я в спину главного безопасника и побрел в свой отдел, ждать звонка и раздумывать о том, что меня ждет.

Прошел час, прошел второй – телефон молчал. Нет, звонки были, но рабочего характера. Силуянов не звонил.

Время подошло к обеду, и я, подумав немного, решил, что если он до того меня не вызвал, то и в обеденное время вряд ли это станет делать. Может, его вообще куда-то предправ услал, такое случалось. Или еще что-то произошло.

Так оно и оказалось. Произошло. Об этом рассказал мне Витек Рыжков, один из тех охранников, с которыми мы, сотрудники банка, водили дружбу. Был он нормальным парнем, на нас не стучал и на разные мелкие нарушения, из которых во многом и состоит офисная жизнь, прикрывал глаза.

– Не трухай, Саня, – сказал он мне, когда я с ним поздоровался. – Знаю, что он тебя драконил с утра и обещал к Чиненковой отволочь. Можешь выдохнуть, не будет сегодня ничего.

– Почему? – с неподдельным интересом немедленно спросил у него я.

– «Травит» его, – хмыкнув, ответил мне Витек. – Просто невероятно как.

– В смысле? – заморгал глазами я.

Витек отслужил срочную на флоте и частенько использовал в разговоре соответствующую терминологию, которую я не всегда понимал.

– Блюет он, – Витек хохотнул. – Часа два уже, с перерывами по десять минут. Валит все на какой-то йогурт, что с утра съел, и жену материт, которая ему его подсунула. Не поверишь – мне его даже жалко стало под конец, у него в брюхе ничего кроме желчи не осталось уже, он чуть ли не воздухом тошнит.

– Есть на свете бог, – с удовлетворением сказал я. – Отлились кошке мышкены слезки. Да хоть бы его и вовсе наизнанку вывернуло, даже не пожалею.

Витек был не стукач, ему такое говорить можно было.

– Вот ведь, – покачал он кудрявой головой. – Ты пятый, кому я это рассказываю, и ни один человек его не пожалел. Это же надо так коллективу насолить?

Я кивнул с многозначительным видом, выражая свое согласие с услышанным, и пошел обедать в соседнее кафе.

Глава вторая

Вернувшись с обеда, я застал у служебного входа нечто, напоминавшее картину Репина «Боярыня Морозова». Около небольшого крылечка собралась толпа сотрудников банка, с интересом наблюдающая за тем, как два мордатых медбрата закидывали в машину «Скорой помощи» носилки, на которых находился Силуянов, бессильно грозящий кому-то пальцем и содрогающийся в рвотных конвульсиях.

Я незамедлительно присоединился к обществу, стараясь спрятать довольную улыбку. Если ее заметит кто-то из силуяновских сподвижников, то непременно об этом доложит, когда тот вернется на службу. А это случится совсем скоро, расслабленный желудок не перелом конечности, его долго лечить не будут.

– Совсем Силуянову плохо, – заметив меня, сказал Пашка Винокуров. – Прямо наизнанку выворачивает.

– Даже как-то жалко его, – вздохнула сердобольная Наташка Юрченкова из операционного. – Так человека корежит, просто беда.

И вправду – вроде только-только носилки с начальником охраны закинули в «Скорую», как из нее раздался вопль:

– Тут не блуй!

Секундой позже в проеме появился бледный как смерть Силуянов, ухватился дрожащей рукой за дверцу, чуть подался вперед и открыл рот.

Девушки брезгливо сморщили носики, но глаза не отвели, с интересом ожидая развития событий.

А их-то и не последовало. Точнее – последовали, но не те, что предполагались. Силуянов постоял с открытым ртом, похватал им воздух, издал страдальческий вопль, отпустил дверцу, пошатнулся и с грохотом рухнул на пол «неотложки», судя по всему изрядно брякнувшись об него затылком.

– Сдохну сейчас! – донесся до нас его страдальческий полустон-полукрик – Живодееры, дайте чего-нибудь, пока из меня кишки наружу не пошли!

– Хорошо-то как! – не удержалась от комментария Денисенкова, и сладостно вздохнула. – Вы хоть кто-нибудь это на телефон снимите, золотые кадры ведь. Я лично каждый день такое шоу пересматривать буду.

– Лен! – одновременно сказала несколько человек, подразумевая то, что подобные эмоции испытывают почти все, но говорить об этом вслух небезопасно.

– Да пофигу, – верно расценила заботу о себе общества Ленка. – Дальше Солнечногорска не сошлют, а у меня там бывший живет. Год назад он мне здесь мозги клевал, а теперь я ему там буду. Все по-честному.

Это да, Солнечногорск пока являлся конечной географической точкой присутствия нашего банка на карте страны и мира. Имеется в виду – удаленной от Москвы точкой. Туда ссылали тех, от кого хотели избавиться, и не могли этого сделать официальным путем. Такое в наше время случается, причем все чаще. Сейчас же все работники стали юридически подкованными, и знают, что без личного согласия тебя фиг уволишь, ну если только ты сам не дашь кадровикам в руки козырные карты, вроде прогулов. Вот для таких умников и существовал дополнительный офис «Солнечногорский», до которого на электричке два с лишним часа от Москвы ехать. А на машине и того дольше, учитывая все пробки.

– Безумству храбрых, – пробормотал Пашка, косо глянув на Денисенкову.

– А что, доктор, долго вы его продержите? – обратился к врачу, который собрался садиться в машину, заместитель Силуянова. – День, два?

– Не знаю, – равнодушно ответил медик. – Он обезвожен здорово, хотя и не это главное. Важно понять, что послужило причиной случившегося. Тошнит-то многих, но чтобы так, до судорог... Короче – надо анализы взять, проверить все. Так что денька три-четыре мы его точно подержим. Мало ли что? Может, у вашего коллеги простое отравление, а может, чего похуже.

– А куда повезете? – помрачнел заместитель. – Территориально?

Врач переглянулся с водителем. Тот пожал плечами.

– Надо непременно будет узнать, в какую больницу его отвезут, – сказала Денисенкова негромко. – Я не поленюсь, «передачу» отвезу.

– Да ладно? – Винокуров даже глаза выпучил. – Ты?

– Именно, – Лена зажмурила один глаз, и ее лицо приобрело немного кошачье выражение. – Бадейку салатика из креветок. С майонезом и всем, что к нему прилагается. Нет, даже не из креветок. Я ему туда «оливье» отвезу. Это еще лучше.

– Мелко мыслишь, – фыркнула ее коллега по операционному и моя тезка Саша Вязьмина. Она растянула губы в ехидной улыбке, блеснула круглыми стеклышками очков и неторопливо произнесла: – Надо торт заказать, килограмма на два-три. С масляным кремом, орехами и всем таким. И с надписью: «Ждем – не дождемся».

– А сверху поставить украшение, – вырвалось у меня. – Большой шоколадный унитаз.

– Жизни вообще потом не будет, – вздохнула Наташка Федотова, с которой я бок о бок сидел в своем отделе последние два года. – Не простит он. Но когда деньги на этот торт будете собирать, не забудьте ко мне заглянуть. Грех не сброситься на святое дело.

«Скорая» умчалась, а мы направились в офис. Хотя цунами на дворе будет, хоть потоп, хоть зомби-апокалипсис – сотрудники банка должны функционировать в служебное время. Ну или хотя бы создавать видимость кипучей деятельности, присутствуя на своих местах.

Прозвучит странно, но мне моя работа нравится. Вообще-то это редкость, когда люди занимаются именно тем, что им нравится. В смысле – не часто они работают теми, кем на самом деле хотели бы. Как правило, наши устремления не слишком совпадают со способами зарабатывания себе денежки на хлеб насущный. И образование тоже. Вот Леха, мой сосед по лестничной площадке, хотел быть астрономом, даже что-то такое там закончил. Стал трейдером. Или Юра, что в бухгалтерии сидит – он по образованию геолог. Ну о профессии говорить не стану, все и так ясно. Нет, в каком-то смысле тоже ищет, но не руду, а ошибки в отчетах.

Что до меня – я одно из исключений, поскольку закончил финансовую академию и пошел работать в банк, причем случилось это не потому, что где-то работать все-таки надо, а потому, что мне это показалось интересным. Совпало, проще говоря, одно с другим.

К чему это все сказано? Повторюсь – я дело свое где-то даже люблю, и для меня ситуация «поработаем после работы» – она не внештатная. Вообще-то у нас с этим нормально, то есть – день закончен, сотрудник свободен. Если долгов не осталось, понятное дело.

А вообще, бывают места с более лютыми нравами. Например – все сидят и дружно ждут, пока предправ, или там, собственники, изволят отбыть из здания. А до той поры – чтобы все на местах были, ну как им захочется что-то у кого-то спросить. Ан человека-то на месте и нет!

Конечно, такое встречается не сильно часто, но, тем не менее, бывает. И кричать тут о своих правах глупо. Не нравится – свободен, тебя никто не держит.

Но у нас такого нет, потому самое позднее к половине седьмого в банке особо никого не остается. Охрана, пара кредитников, работающих в состоянии пожизненного «дедлайна» и готовящих досье заемщиков к завтрашнему комитету, да, может, еще кто из казначейства.

И я. Мне все равно спешить некуда. Жены у меня, как я уже говорил, нет, постоянной подруги тоже, из друзей только пятничные приятели на кружку пива, которые к тому же мои сослуживцы, светскую жизнь я не веду. Вот и выходит – мне что в шесть уйти, что в восемь – все едино, никто нигде не ждет.

И ведь что обидно – опоздаешь на десять минут, так все жилы вытянут. А задержишься на два часа – хоть бы какая сволочь заметила. Хотя – все логично. Опоздание происходит в оплаченное работодателем время, а вечером ты тратишь свое личное. Это твой выбор, и больше ничей.

Когда я вышел из здания банка, небо уже потемнело.

– Однако, засиделся, – сообщил я невесть кому. – Это перебор.

Ночь летом опускается на город сразу, не так, как весной. В мае это постепенный процесс, сначала приходят сумерки, потом они сгущаются, и только после этого наступает ночь. Летом, особенно когда оно близится к середине, такой роскоши нет. Просто наверху некто дергает рубильник, и солнце после этого стремительно валится за дома, уступая свое место луне.

Я люблю летние городские ночи. Кому-то это может показаться мазохизмом или даже дурью, но мне нравится город в свете фонарей. Асфальт отдает жар, накопленный за день, запыленная листва еле слышно шелестит о чем-то своем, наконец появляется ветерок, который приятно остужает щеки.

И – запах. Особый городской летний ночной запах, в котором есть все, кроме кислорода, и который ни с чем не спутаешь. В нем смешалось все, из чего состоит мегаполис – пыль, смог, выхлопные газы, женские духи всех видов и еще бог весть что. Казалось бы – как можно дышать этим всем? Можно. Странно, но куча не самых приятных ароматов, перемешавшись, создает нечто среднее, которое жители вдыхают не без удовольствия и даже называют «ночной прохладой».

Кстати – а вы знаете, что у любого горожанина, впервые за долгое время выехавшего на природу, непременно день-два болит голова? И дело не в смене климата и не в погоде, просто мы отвыкли от чистого воздуха как такового.

Когда я наконец-то доехал до своей станции и вышел из метро, совсем уже стемнело. Ночь вступила в свои права, а на небо выбралась луна. Наверное, можно было бы сказать, что она залила все вокруг своим серебристо-призрачным светом, но это будет неправдой. Негде ей в городе толком разгуляться, здесь слишком много света даже в темное время суток. Фонари, реклама, вывески магазинов – это все забивает лунный свет. Москва – город, который никогда не спит.

Впрочем, есть и здесь места, где можно пройтись по лунной дорожке. Например – в парке, который я дважды в день пересекаю – по дороге из дома и по дороге домой. У него не самая хорошая слава со времен лихих 90-х, в те времена здесь частенько выясняли свои сложные взаимоотношения «братки», после чего под елками и кленами периодически находили простреленные тела, но это когда было? И не вспомнишь уже. А дорогу срезать через него можно очень даже неплохо.

Вот здесь луна была в своем праве, она обливала серебром верхушки деревьев, бросала блики на квадратные плитки дорожек и рисовала дрожащие зигзаги на глади маленьких прудов.

Как я уже сказал, меня всегда радовала ночь, с её относительной тишиной и аурой некой тайны, которую люди до сих пор не разгадали, но сегодня почему-то я ощущал связь с ней особенно остро.

Более того – топая по парку, я с удивлением отметил тот факт, что стал лучше видеть в темноте. Например, раньше я точно не мог разглядеть статуэтки на детской площадке, которая оставалась слева от меня, а сегодня – пожалуйста, да так отчетливо, что только диву даваться можно.

Впрочем, это было меньшей из странностей. Когда в кустах, которые я миновал, подала голос какая-то ночная птица, то я безошибочно мог сказать, на какой из веток она сидит. Мало того – я откуда-то знал, что называется она «зарянка». Следом за этим в голову полезли совсем уж странные мысли о том, что надо бы запомнить место и следующей весной, в конце

апреля, но не позже, сюда наведаться и загадать желание. А если повезет – то и свистнуть из ее гнезда яйцо, в хозяйстве все пригодится. Главное – не забыть прочитать при этом заговор и снять с себя проклятие, которое после этого непременно может ко мне прилипнуть.

Весь этот шквал странных мыслей и не менее странных желаний так захлестнул меня, что я даже остановился и потер лоб.

Ладно. Предположим, про «зарянку» эту я по телевизору мог слышать, я программы «Нэшнл географикс» смотрю охотно, при возможности. Но что за чушь с желаниями и яйцами, это-то откуда у меня в голове взялось?

И что примечательно – мысли странные, непонятные, но при этом они кажутся мне совершенно естественными и привычными.

Может – все? Может, пора на прием к психотерапевту? У нашего брата офисного служащего всякое случается. Стрессы, злоупотребление анксиолитиками и даже нейролептиками, стабильный недосып – это все не ведет к крепкому психическому здоровью. Вон мне приятель рассказывал, как у них один паренек из отдела продаж накануне отчета перед собственниками поехал умом, решив, что он скрепочка из «Worda». В старой версии такая была, «помощником» называлась. Реально решил, что он скрепочка, задорно моргал глазами, предлагал дружить всем окружающим и забавно сучил ногами и руками.

Хотя – не связывается. Бред – он такой бред, но каким бы он ни был, он всегда основан на знаниях, уже имеющихся у человека в багаже. Постороннее, неизвестное его составлять не может. И опять выходит, что птичка – ладно, она может в нем фигурировать. А ее яйцо на пару с проклятием – нет.

Я помассировал виски и глубоко вдохнул воздух. Он был чуть сыроватый и одновременно очень сладкий. В нем смешались ароматы земли, чуть подопревшей листвы, свежей травы.

Здесь, в этом уголке парка, все напоминало настоящий лес. Дорожка здесь была, а вот фонари почему-то ставить не стали, как видно, в заботе о парочках, которые именно здесь ошивались чаще всего. Такая «лав зона».

Сейчас тут было пустынно, то ли не пришел сюда никто, то ли разошлись уже все. Оно и хорошо, лишними сейчас были бы для меня люди, они нарушили бы гармонию, которая внезапно меня захлестнула.

Голова чуть закружилась, я прикрыл глаза и неожиданно для себя улыбнулся – на сердце стало очень легко, появилось ощущение, что еще чуть-чуть – и я подпрыгну в воздух и полечу. У меня такого с детства не было, лет с семи. Где-то в этом возрасте я перестал верить в то, что люди могут летать. Если не ошибаюсь, это случилось в тот день, когда я пошел в школу, а мой старший братец ехидно сообщил мне, что вся эта канитель на одиннадцать лет.

Но и это было еще не все. Лес вокруг меня был полон звуков, на которые я раньше не обращал внимания. Я слышал, как вон под той елкой ползет змея, причем знал, что это не просто змея, а гадюка. А под корнями дуба, старого, который помнит еще те времена, когда отсюда до Москвы день езды был, ворочается барсук, тоже очень старый и умудренный жизнью. Хотя – каким он еще может быть, если в городском парке умудрился выжить и ни разу никому на глаза не попасться?

А еще вон там, совсем недалеко от меня, рядом с осинами в земле кто-то копается.

Я решил ничему не удивляться, взгляделся повнимательнее и сделал десяток шагов в сторону от дорожки. И вправду, рядом с тремя осинками, в лунном свете, я увидел маленькую сгорбленную фигурку с небольшой лопаткой в руке. Она, сопя, перерубала корешок дерева. Даже не перерубала, а перетирала, поскольку инструмент у нее был деревянный. Странно, почему бы не использовать обычный металлический садовый инвентарь?

– Погибнет же зеленое насаждение, – не найдя ничего лучшего, сказал я. – Жалко.

– Да вот еще, – дебезжаще-ворчливо ответила мне фигурка. – Это осина, ее ни одна холера не возьмет. А когда мне еще осиновый корень брать, если не сегодня? Макушка лета скоро, самое время. Иди, иди отсюда.

И бабка (а кто же еще?) махнула рукой.

– А зачем вам этот корень? – заинтересовался я.

Ну а почему бы не спросить? Раз уж вокруг сплошные странности, то надо понять, что к чему. Правда, вокруг стало как-то потемнее – на луну напоззло небольшое облачко и скрыло ее.

– Так, – старушка прекратила орудовать лопаткой и выпрямилась. – А ты кто такой? Меня увидел, уйти – не ушел, хоть я тебя и гоню.

Она повернулась ко мне, и я увидел вовсе не старческое лицо. Никакая это не старушка, а вполне себе красивая молодая женщина. Невысокая – да, вовсе не старая и не горбатая, как мне показалось с самого начала. Жалко только луна скрылась, до конца черты ее лица не различишь.

– Здрасьте, – заулыбался я.

– Здрасьте, здасьте, – настороженно ответила моя неожиданная знакомица, внимательно смотря на меня. – Так ты кто такой будешь?

Она была одета в черный плащ и красное платье, и то и другое ей очень шло. Ну да, выглядели ее наряды немного старомодно, но сейчас такое в моде. «Винтаж» называется. Я даже как-то на такой вечеринке был, мне понравилось.

Женщина пытливо смотрела на меня, ожидая ответа, я хотел было как-то отшутиться, но тут облачко, закрывшее луну на несколько минут, проплыло себе дальше, и серебристый свет вновь залил парк, деревья, и в том числе мою собеседницу.

Ее лицо, прямо как в каком-то фильме ужасов, моментально преобразилось. Оно вытянулось, покрылось морщинами и бородавками, из которых торчали седые волосы, полные губы прямо на моих глазах съежились и стали впалым ртом беззубой старухи. То же произошло с роскошными черными волосами, они из безукоризненной парикмахерской укладки превратились в торчащие во все стороны седые патлы. Изменилась и одежда. То, что я принял за черный плащ и шелковое платье под ним, превратилось в драную холщовую одежду и замызганный передник, вроде кухонного.

– Вот же! – от этих изменений я словно оторопел. – Что за хрень?

– Э-э-э-э-э! – старуха тихонько захихикала и потерла изъеденные язвами руки. – Да ты непрост, щекастенький. Ты же сейчас видишь меня такой, какая я есть на самом деле!

– Лучше бы не видел, – признался я, ощущая, что все-таки надо будет к психотерапевту походить. И еще то, что я вот-вот описаюсь от страха.

– Да это ладно, – она хихикнула. – Другое странно – ты-то чего не изменился? Луна – она для всех нас луна. И еще – чего от тебя так человеческой...

Бабка повертела крючковатым носом и склонила голову к плечу, изучая меня.

– Вот оно что. Так ты, похоже сам не знаешь, кто есть такой, – удивленно произнесла она. – Видеть – видишь, чуют – чуют, а понять-то пока ничего и не можешь.

Она прищурила левый глаз (и я даже передернулся, заметив, что в нем нет зрачка) и сделала по направлению ко мне один мелкий шаг, потом второй. Ее левая рука скользнула в глубокий карман замызганного передника.

– Вот что, парень, тебе надо одну травку употребить срочно. Заварить и попить, – деловито пробормотала она, не вынимая руки из передника. – Она у меня с собой есть, я тебе ее сейчас...

Мне активно не нравилось все, что случилось за последнюю минуту, но те нотки, которые прозвучали в голосе старухи сейчас, они просто взвинтили нервы до упора. Мне и так было страшно, а сейчас вообще ноги как к земле приморозило.

– Хорошая травка-то, – ворковала бабка, подходя все ближе. – Ой, полезная. Все сразу на свои места встанет, милый. Все ты поймешь, во всем разберешься.

Ее слепой глаз словно гипнотизировал меня, впалый рот растянулся в то ли в улыбке, то ли в оскале, она была совсем рядом со мной.

А дальше все произошло очень быстро. Как и когда эта старая зараза успела выхватить из своего передника короткий черный нож, я так и не понял. Равно как для меня осталось навсегда тайной то, каким образом я умудрился увернуться от очень ловкого и крайне умело нанесенного удара, который просто обязан был вспороть мне горло. Мало увернуться – еще и оттолкнуть мерзкую старуху от себя, да так, что она на землю упала. Я вообще-то изрядный увалень, чего греха таить, всегда был неповоротлив. Видно, рефлексy сработали, с ними-то у меня все в порядке.

Зато оцепенение спало и пришла предельная ясность, что отсюда надо спешно уносить ноги туда, где нет луны, но зато есть фонари и люди. Да вообще – куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной и непонятной бабки с ножом.

Собственно, это я и сделал, а именно – развернулся и припустил бегом так, что за ушами засвистело.

– Стой, – взвизгнула бабка. – Куда? Не твоя это сила, все одно пропадешь, а я ее к делу пристрою! Феофилушка, останови его!

Тут еще кто-то есть? Да это банда просто, только какого-то Феофилушки мне и не хватало! Надо поднажать, скоро поворот на центральную аллею, там мне никто не страшен будет.

И тут я запнулся о что-то и грянулся о плитку, со всего маха.

– Пшшшшш, – послышалось слева, и мою щеку будто обожгло.

Кошка! Или кот, я в таких вопросах не разбираюсь. Здоровый, черный, зеленоглазый. Это он по моей щеке когтями прошелся и сейчас скалится, как какая-то собака. Вот зараза!

– Держи его! – раздалось сзади. – Феофилушка!

Так это он и есть? Кот? Не здоровенный мужик с тупой рожей, а кот?

Я повернул голову и в который раз за этот час мироздание крутанулось в моей голове вокруг своей оси. Бабка гналась за мной, она была совсем недалеко, и все бы ничего, кабы не одна деталь. Ее ноги не касались плитки дорожки, это я видел вполне отчетливо. Она в буквальном смысле скользила над ней, ее глаза светились в темноте, как две гнилушки, и черный нож был крепко сжат в левой руке.

Может, я просто уснул в офисе на столе и это все мне мерещится? Так сказать – болезненные фантазии?

Нет, это не причудливые извивы утомленного мозга. Мне сейчас одновременно страшно, больно и холодно. И очень хочется в туалет.

Но вот только если бабка меня догонит, то есть все шансы на самом деле уснуть, причем вечным сном. Это меня не устраивает категорически.

– Пшшшшшш! – злобно зафырчал кот и снова занес лапу.

– Щас, – я стартовал из положения «лежа» так, что мне позавидовал бы любой ямайский бегун. Имелся большой соблазн дать хорошего пинка этому котяре, но это сожрало бы секунды, которых у меня и так не было.

Я так быстро даже в детстве не бегал, когда был подвижным и резвым мальчиком. Правду говорят – опасность высвобождает скрытые резервы организма. Выскочив на главную аллею, ярко залитую электрическим светом, я пробежал еще метров сто, прежде чем остановиться и обернуться.

Никого. Точнее – за мной никто не гнался, а так-то тут люди были. Вон немолодая парочка прогуливается, молодняк на лавочке пиво пьет. Просто люди.

И в аллейке, из которой я выбежал, никого не видать. Хотя – не красное ли платье мелькнуло за деревом? Или мне показалось?

Не знаю, но выяснять не пойду. Мне бы до дому добраться и попытаться понять – что это было вообще?

Еще и щека саднит. Вот же мерзкая тварь, расцарапал-то как. Мне же завтра на работу!

Да, вот еще что. Надо с этими вечерними прогулками по парку заканчивать. На маршрутке ездить буду, как остальные.

Скажу честно – в голове был полнейший хаос, в котором я никак не мог разобраться. Сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего и позавчерашнего. Ну ладно, позавчера было воскресенье, но это не слишком многое меняет. Моя жизнь всегда была обычная, и ничего такого сверхъестественного в ней никогда не случилось, если не считать того, что на государственном экзамене я умудрился вытащить один из трех билетов, которые я знал. С учетом, что всего билетов было сорок пять – это можно назвать чудом.

Но и все. Остальное все строго реалистично и рационально. И тут – на тебе. Луна, запахи, эта старая ведьма.

Кстати – ведьма как есть, такая, какими их описывают в фольклоре. Страшная, нос крючком и кот-подручный. Хрестоматийный образ.

Но при этом я точно знаю, что ведьм не бывает. Бывают шарлатанки из телешоу, всякие «потомственные белые ведьмы Марины» и «наследственные алтайские ведьмы Евстафьи». А таких – не бывает.

Однако кто тогда мне травки предлагал и хотел глотку ножом перерезать? Фантом? Галлюцинация? Не отшатнись я – сейчас бы уже остывал под елкой.

Сдать бы ее полиции, да вот только если я такое им расскажу, они сначала надо мной посмеются, после запись с этой беседой в «Ютуб» выложат, а напоследок медиков вызовут, для моего освидетельствования.

Что за день сегодня такой? Начинался как всегда, закончился...

Нет. Не как всегда. Вообще-то утром на моих глазах дед помер, а перед этим он меня за руку брал, и я от этого рукопожатия без чувств упал.

Есть в этом всем взаимосвязь? Скорее всего – да. Нет, если все это рассказать тому же Винокурову, то он, скорее всего, только пальцем у виска покрутит. Но я, после того как пробежался по темной аллее, запросто поверю в то, что этот дед и случившееся со мной – звенья одной цепи. А может, и Силуянов с его внезапным приступом – тоже. Я же сказал: «Чтоб его стошнило». Стошнило. Пожелал, чтобы его наизнанку вывернуло. Натурально, вывернуло.

Ведьма сказала что-то про силу. «Не твоя это сила». Что за сила? Она ведь меня из-за нее и хотела прибить. Может, это дед мне как раз какую-то силу передал? И снова вопрос – какую? Ну не магом же я стал.

Поминутно озираясь, за этими мыслями я дошел до своего подъезда и с облегченным вздохом нырнул в него. Дом, милый дом.

Так о чем речь? Маг. Возможно, я теперь маг. Или нет?

Я остановился у дверей лифта и махнул рукой, приказав:

– Откройся.

Не воспоследовало.

Я использовал джедайский жест, активировав все мысленные силы.

Лифт не подчинился.

Я нажал кнопку.

Сработало, двери открылись. Техника, как всегда, победила магию. А почему? Магии не существует. Увы.

Но Силуянова-то стошнило?

Надо поесть. Это и нервы успокоит, и все в голове по местам расставит.

Живу я один. Когда-то эта квартира принадлежала моему деду, но он давно умер, я его почти не помню. Мои родители ее долгое время сдавали, а потом, когда я стал совершеннолет-

ним, спросили у меня, не желаю ли я жить отдельно, разумеется, на основе хозрасчета и само-окупаемости. Я, недолго думая, согласился, и вот уже как шесть лет обитаю тут, в типовой «хрущовке» на севере Москвы.

Войдя в квартиру, я первым делом запер дверь. Не думаю, что страшная бабка меня выследит, но все-таки так оно поспокойнее.

И тут на меня накатило. Пока я шел по улице, в моих венах бесновался адреналин, но здесь, в моем доме, в моей крепости, меня настиг запоздалый страх.

Черт, это было очень жутко. Когда ты подобное видишь в кино, тебе тоже бывает страшно, но где-то в дальнем уголке сознания ты прекрасно осознаешь, что все ужасы там, с той стороны экрана. И это не зомби, вампиры и ведьмы, это актеры и компьютерная графика. То есть, это не более чем иллюзия страха.

А там, в парке, все было совсем по-настоящему. Вот – вообще.

К горлу подступил комок, я рванул на кухню, достал из холодильника недопитую бутылку «Фанты» (грешен, люблю газировку) и выхлебал ее до дна, давясь режущим горло газом.

Тошнота отступила, но желание есть пропало начисто.

– Хрень какая, – жалобно сказал я, ища сочувствия невесть у кого. – А? Ведьма, нож, кот этот её... И главное, гад, щеку расцарапал. Ну не свинство?

– Оно и есть, – подтвердил чей-то тонкий голосок. – И очень плохо, что он тебя, хозяин, поцарапал. Очень плохо.

– А? – я повертел головой и обнаружил в коридоре, который соединял кухню и комнату, какое-то невысокое, мне по колено, мохнатое существо.

Оно увидело, что я его заметил, и робко помахало лапкой, приветствуя меня.

Вот тут я, второй раз за этот день и четвертый за всю жизнь, потерял сознание. Потому как живой человек, и у меня тоже есть нервы.

Глава третья

В себя пришел от того, что на мое лицо кто-то брызгал холодную воду. Мало того – этот кто-то был не один, поскольку брызганье сопровождалось беседой.

– Вот ты в своем уме? – выговаривал один собеседник другому. – Кто же так делает? А если бы он помер от страха? Тут о таких, как ты и я, забыли все давно.

– Да быть того не может? – изумленно сказал второй. – Но ладно я, про меня и раньше особо никто не ведал, но ты-то? Не может быть!

– Может, – сурово сказал первый. – Хотя с моим племенем все еще хуже, честное слово, лучше бы уж просто забыли. Про нас теперь в книжках пишут, вот какая штука.

– Чего ж плохого? – снова удивился второй. – Книжка – это хорошо. В них, поди, абы про кого не напишут. Уважительно это.

– Кабы, кабы, – вздохнул его собеседник. – Книжки-то те – небывальщины. И мы, стало быть, тоже она и есть, небывальщина. Как нынче говорят – литературные персонажи. По книжкам тем выходит, что выдумали нас, ровно и не жили мы никогда. Мы есть – но нас нет. Вот так-то.

Мне стало жутко интересно посмотреть на то, какой именно литературный персонаж на меня воду брызгает. Судя по голосу, это не Наташа Ростова и не леди Гленарван. Тогда кто? И что этот выходец из книги делает на моей кухне?

Я открыл глаза и увидел некое странноватое существо, более всего похожее на гнома из старого диснеевского мультфильма, разве только что лицо у него было не румяное, а вовсе наоборот – приятно-коричневого цвета, как осенний желудь. И одежда отличалась от гномьей, никаких пестрых кафтанчиков. Его наряд, скорее, напоминал рабочий комбинезон. Кстати – росточком это существо тоже было невелико, немногим выше мохнатой чуды-юды, что я видел в коридоре.

Увидев, что я очухался, оно махнуло короткопалыми пальцами, охнуло, лупнуло круглыми глазами-плошками, и с невероятной скоростью бросилось к холодильнику, где непостижимым образом ввинтилось в щель между вышеназванным предметом кухонной обстановки и стеной. Я бы в эту щель максимум ладонь просунул. Как ему это удалось?

– Бывай! – запоздало крикнул шустрику вслед его собеседник, заметил, что я перевел на него свой взгляд, и замолчал, виновато уставившись в пол.

– А это кто был? – решил сразу пояснить ситуацию я. Ну перед тем, как позвонить в соответствующую медицинскую службу. В конце концов, надо быть честным с собой. Когда видишь ведьм с черными ножами, мохнатых коротышей и существ, которые пролезают туда, куда руку не впихнешь, это значит только одно – протекла у тебя крыша.

Но и любопытство никто не отменял.

Кстати – как только я смирился с мыслью, что у меня, возможно, все плохо с головой, то как-то сразу успокоился.

– Это? – вытянуло в сторону холодильника мохнатую лапку второе существо, то, которое не подумало сбегать. – Это домовый был местный, Вавилой его кличут. Вавилой Силычем, стало быть. Душевный он у тебя. Другой-то меня мог бы и взашей, с полным правом, а этот с обхождением подошел. Уважительно.

– А почему взашей? – я прислонился спиной к стене и вытер лицо от воды.

– Так дом-то его, – даже как-то удивился моей непонятливости мохнатик. – Он в нем за порядком смотрит, он тут всему голова. А тут я такой: «Здрасьте вам, приехал жить». Оно ему надо? Легче меня шугануть, чем оставить, без всяких разговоров. Наши бы так и поступили. А Вавила Силыч вот, поговорил, вник в беды. Нет, хороший у тебя домовый, хороший.

Мохнатик договорил, махая лапками, поклонился холодильнику и полез на табурет, как видно, уставши стоять. Табурет был значительно выше моего собеседника, потому процесс вскарабкивания был непрост, и выглядел при этом достаточно комично. Я бы сказал – по-мультипликационному комично.

Был он чем-то похож на неведомую плюшевую игрушку, одно время такие было модно дарить девушкам. Повертишь в руках – медвежонок – не медвежонок, заяц – не заяц, что-то непонятное и беспредметное, но уютное и милое. Вот и тут то же самое – что за существо неясно, но выглядит не пугающе, скорее – забавно, как мишка-коала. Да он чем-то на него и похож – весь зарос бурым волосом, мордочку толком не разглядишь, знай только из шерсти на ней две пуговицы глаз поблескивают.

– Вопросов стало значительно больше, – поведал я ему, дождавшись, когда он влезет на табурет и разместится на нем.

– Так ты спрашивай, хозяин, – бодро посоветовал мне мохнатик. – Я про что смогу – про то отвечу. Без утайки, не сомневайся. А как по-другому? Я теперь при тебе буду состоять, если не прогонишь. Ну или не помрешь.

– Славная перспектива, – порадовался я услышанному. – Бодрит. Начнем сначала.

– Начнем, – поддержал меня мохнатик и одобрительно махнул лапкой.

– Ты кто?

– Родион я, – ответил мне он. – Но старый хозяин меня Родькой звал. Эдак звучит проще, да и мне нравится.

– Это прекрасно, – одобрил я. – Но ответа на вопрос я так и не услышал. Родька, ты кто?

– А-а-а-а! – хлопнул себя по лбу лапкой мой собеседник. – Понял. Я теперь твой слуга.

– Разговор глухого с немым, – вздохнул я. – Вавила Силыч, вы не объясните этому недоумению, чего я хочу от него добиться? Мне кажется, что вы намного разумнее, чем он.

Я был уверен, что домовый где-то тут, рядом. И его можно понять. Мне бы тоже было любопытно, чем дело кончится.

– Знать он хочет, кто ты есть такой, полено деревенское, – раздался голос, который я слышал над собой после обморока. По-моему, он шел из-за вентиляционной решетки, что была под потолком. – Накой ему твое имя?

– Спасибо, – довольный тем, что угадал, сказал я. – Все так.

– Никакое я не полено, – немного обиженно произнес Родька. – Это вы, городские, все спешите, а мы привыкли все делать обстоятельно, начинать издалека, с самого начала.

– Коли ты с самого начала будешь рассказывать, то до рассвета не управишься, – назидательно сказал Вавила Силыч, выйдя из-за плиты. – Хозяину-то твоему еще поспать надо, ему же завтра на работу.

Как он это делает? Если между холодильником и стеной хотя бы зазор был, то между плитой и частью кухонного гарнитура даже щели не имелось.

– Спасибо за заботу, – окончательно теряя связь с реальностью, сказал я.

Но в этот момент я полностью убедился, что все происходящее не является моим бредом. Ну да, очень удобно думать, что ты свихнулся, тогда не надо искать объяснений происходящему. Вот только все это – реальность. Неправдоподобная, выходящая за грань разумного, да просто ломающая привычную картину мира, реальность. И не имеет смысла себе успокаивающе врать.

Хотя, конечно, после рассказа о подобном, любой психиатр меня без раздумий отправит в дом скорби, это с гарантией.

Но как все это забавно. Даже недавний страх в парке полностью позабылся.

– Не за что, – ответил домовый. – Это моя работа.

Надо же. По моим представлениям домовый должен был выглядеть как раз так, как Родька. Ну, мохнатый, забавный... Вавила Силыч выглядел каким угодно, но только

не забавным. Был он, как я и говорил раньше, крайне невысок, но при этом чувствовалась в нем некая основательность.

– Не знал, что у меня есть домовый, – почему-то немного стесненно сказал я. – Даже помыслить не мог.

– Ну что «у тебя» – это ты маханул, Александр, – веско произнес тот. – Времена, когда домовый в одном доме жил, давно прошли. Если на каждую квартиру по одному из наших выделять, то где нас столько набраться? Подъездный я. Не только за твоей квартирой смотрю, но и за всеми остальными тоже.

– Глобализация, – пробормотал я, немного удивленный тем, что он еще и имя мое знает.

– Она, проклятая, – подтвердил Вавила Силыч. – Ну, значит, смотри. Вот это недоразумение на табуретке – оно теперь твое. Ты где-то умудрился ведьмачьей силой разжиться, причем немалой, а Родион к ней прилагается. Точнее – он за ней следует, потому что она, сила эта, с ним связана как-то. Он при ней вроде заложника. Я про такое слышал, мне дед рассказывал. Так что пока она с тобой, и он тут поблизости обитать станет. Он теперь твой слуга. Да ты не сомневайся, он хоть и тюха-матюха, судя по всему, но пользу принести тебе сможет.

– А ем я мало, – подал голос Родька. – И места мне много не надо.

– Стоп-стоп-стоп, – потребовал я, встал с пола и сел за стол.

Подумав немного, показал рукой на табурет и Вавиле Силычу. Тот испытующе посмотрел на меня, степенно кивнул и очень ловко, одним прыжком, взобрался на него.

– Так может, чаю? – пискнул Родька, словил подзатыльник от подъездного и замолчал.

– Кстати – да, – решил побыть гостеприимным хозяином я. – Может – чаю?

Раз уж все происходящее со мной реальность, раз существует мир за гранью понимания, то надо хоть что-то о нем узнать. Мне, похоже, в нем жить. А то и выживать.

И самое главное – сила, о которой упоминают почти все представители этого странного мира. Что это за сила?

– Да ты так спрашивай, – с добродушной усмешкой сказал Вавила Силыч, для которого, похоже, мой маневр был как открытая книга. – Что знаю – расскажу. Только знаю я немного. Ведьмаки – не мой профиль. Мое дело тараканов гонять, крыс в дом не пускать, да кошмары пострашнее сантехнику жековскому во снах показывать.

– А это-то зачем? – изумился я.

– Чтобы не пил, – пояснил подъездный. – Он очень белой горячки боится, вот я к нему во сны и лазаю. Как проснется в холодном поту, так неделю на бутылку не смотрит.

– Понятно, – я побарабанил пальцами по столу. – Так что это за сила такая? Все про нее говорят.

– Ведьмачья, я же сказал, – пожал плечами подъездный. – Тебе ее передали, теперь она твоя. Точнее, пока не совсем твоя, там все не так просто.

– Все-таки этот старик в парке, – хрустнул костяшками пальцев я. – Так и знал!

– Это мой бывший хозяин был, – пояснил пригорюнившийся Родька. – Захар Петрович. Я у него столько лет в слугах проходил. Так славно жили! Чего он в этот город поперся, а?

И мой новоявленный слуга заплакал, крупные капли потекли из глаз-бусинок, он их размазывал лапками.

– Ведьмак – он просто так умереть не может, – пояснил мне Вавила Силыч. – Телото человеческое у него умрет, это так, а душе сила уйти не даст. Но вот только пока душа к телу приставлена, ведьмак силой правит, а как плоть умрет, то все и поменяется. Сила станет душой вертеть как хочешь. А это, как мне дед говорил, ох как страшно! Потому ведьмаки перед смертью силу свою кому-то передать должны, чтобы уйти из этого мира спокойно и навсегда. Обычно-то они преемников заранее готовят, да тут, видно, что-то пошло не так, потому ты и попал как кур в оцип.

– Все ведьмы клятые! – погрозил кому-то кулаком Родька. – Это они Петровича со свету сжили, я верно говорю!

– Ведьмы, ведьмаки, – я посмотрел на Вавилу Силыча. – А это не одно и то же?

– Нет, – покачал головой подъездный, а Родька возмущенно фыркнул. – Мужчина же от женщины отличается? Вот и ведьмак от ведьмы тоже. Ведьма – она себе служит, а потому между добром и злом границы не ведает. Точнее – ей все едино, что творить, главное – того добиться, что она задумала. Хотя, если честно, у них обычно одни пакости на уме. А ведьмак – он путь выбирает, по которому пойдет, а уж потом его и держится. Кто ведунство выбирает, кто близ мертвых обретается, защищает их от живых и наоборот, а кто и за деньги разное всякое делает. Только ты не подумай, будто ведьмы злые, а ведьмаки добрые. И те, и другие хороши. Они хоть среди людей живут и от них питаются, но жалеть их не жалеют.

– Подытожим, – понативно кивнул я. – То есть выходит, что я теперь ведьмак.

– Да, – пискнул Родька.

– Нет, – ответил Вавила Силыч и отвесил моему новоявленному слуге еще один подзатыльник. – Сила теперь твоя, но только она тебя не признала. А до той поры, пока это не случится, ты не ведьмак. Она в тебе жить будет, даже помогать иногда, но это до поры до времени. И если ты ее не подчинишь себе, то жди беды. Когда она поймет, что ты слаб, что ты не готов ее принять, то сожжет тебя изнутри. Не в прямом смысле, в переносном, но тебе-то от этого легче не станет? Это не просто смерть будет, а кое-что похуже.

С каждой минутой количество вопросов увеличивалось. А еще я ощутил, что мне все это очень не нравится.

Я в интуицию верю, просто в силу того, что она меня не раз выручала. И вот сейчас она просто-то таки орала о том, что мне довелось вляпаться в сильно нехорошую историю.

– А как ее подчинить? – спросил я у подъездного.

– Понятия не имею, – почему-то виновато ответил тот. – Откуда мне знать? Может, дед мой и мог что-то сказать по этому поводу, старики что у вас, людей, что у нас, много разного ведают. Но мне он про это ничего не говорил. А сейчас его ни о чем не спросишь, почил он лет сто назад.

– Беда, – вздохнул я.

– Как есть, – подтвердил Вавила Силыч. – Ведьмам-то в этом плане проще, их сила – она хитрая, как и все бабы. Она сама новой хозяйке нащепчет, чего делать, что ей надо, чтобы сродниться в одно целое. Хотя – чего ей надо по первости? Крови да боли чужой, как обычно. А тут что-то другое. Но что? Не знаю.

– А может, у своих поспрашаете? – я обвел рукой кухню. – Ну, коллеги там...

– Нет, – твердо ответил подъездный. – Не нужно этого делать. Ты и так сегодня, похоже, уже дров наломал. Вот этот остолоп мне что-то про ведьму, кота и нож говорил?

– Было, – подтвердил я, и в двух словах объяснил подъездному, в чем дело.

– Плохо, – сморщил лицо Вавила Силыч и стал чем-то похож на шарпея. – Ведьма эта тебя искать будет, ее твоя сила поблазнила. И то, что ты ей управлять не умеешь, она тоже поняла. Даже хуже – она сообразила, что ты про нее даже не знаешь. Ты, Александр, теперь для многих будешь лакомым куском, потому никому не верь.

– И вам? – мрачно усмехнулся я, уже нисколько не удивляясь тому, что он знает мое имя.

– Если по-правильному – да, – без тени стеснения ответил подъездный. – Вообще никому. Но в целом мы, нелюдь, для тебя опасность представляем куда меньшую, чем твои сородичи, человеки. Нам твоя сила не нужна, вот такая штука. Она только ваша, людская. Мы ее ощущаем, но использовать не можем, понимаешь? А с ведьмой ты, конечно, сглупил, сглупил... Хотя, с другой стороны – твоей вины тут и нет вовсе.

– Вот-вот, – поддержал его Родька. – Он же не знал, что теперь он видит мир за гранью.

– Мир за гранью? – я устал от новых определений, но деваться было некуда.

– Его, – Вавила Силыч тихонько засмеялся. – Да ты же уже понял, о чем речь, так что дурака из себя не строй. Ты видишь меня, вон его тоже. Ведьму распознал. Если бы не сила, ты бы с ней даже не столкнулся, принял за пенек или вовсе не увидел. Ночь – ее время, она глаза любому отведет, чтобы не мешали. А меня, например, ты раньше разве что краем глаза мог заметить, случайно. По-другому – никак. Ну еще нас детки малые видят, из тех, что пока не говорят. А как говорить начнут – тут и все, нет нас для них с той поры. Сила тебе глаза открыла, позволила рассмотреть то, что скрыто от остальных. А если о ведьме речь вести – так и ее истинное лицо увидеть.

– Лучше бы не открывала, – полностью искренне сказал я. – Не видел я вас всех – и не надо. Так что там с ведьмой? Искать, значит, будет?

– Непременно. И быстро найдет, – опечалил меня Вавила Силыч. – Помощник ее, кот, тебя по щеке ударил? Ударил. Кровь твоя на его когтях осталась. По ней она тебя шустро отыщет.

– И? – напрягся я.

– Попробует убить, – невозмутимо сказал подъездный. – Чтобы силу забрать и в нож свой колдовской залить. Шутка ли – столько добра за здорово живешь получить! В себя перелить твою силу у нее не выйдет, природа у вас разная, но как-то потом использовать ее – запросто. В ритуалах там, или еще как. Да и потом – ведьмы и ведьмаки, они с давних времен не ладят и при случае друг дружку всегда рады прибить. Ну если это не грозит какими-нибудь неприятностями. Так-то, на виду вроде все ничего, но если в спину можно ударить, то возможности ни те, ни другие не упустят.

– Почему? – озадачился я.

– Первородство, – пояснил Вавила Силыч, и Родька усиленно закивал, как видно, он был в теме. – Ведьма – это от «ведающая». Было время, когда женщины решали, как жить роду человеческому, потому что знали много больше, чем мужчины. Было это время – и прошло, мужчины верх взяли. Вот обида и осталась. А там еще и ведьмаки появились, влезли в их исконное, женское, со своими сапогами и ножами. Ну и началось... Так что ты, Александр, сегодня не одну врагиню приобрел, поверь.

– Блин! – я совсем опечалился. – Лучше бы я мимо этого Захара Петровича прошел, как все остальные. Мало мне своих проблем, теперь еще и это.

– Ну что сделал, то обратно не вернешь, – философски заметил подъездный. – А та ведьма... В дом к тебе, то есть – сюда, в квартиру, не сунется. Знаешь, пословица о том, что дома и стены помогают, не на ровном месте появилась. Разве что жадность ее совсем обуреет, такое может быть. Но мы тогда что-то да придумаем. А вот в темноте по парку ты все-таки особо не шлейся, от греха. Там тебе защиты искать не у кого будет.

– Ясное дело, – чуть приободрился я. Это «мы» меня порадовало, равно как и новость о том, что мой дом и на самом деле моя крепость. – Буду избегать темных и безлюдных пространств.

– Тебе наставник нужен, – Вавила Силыч почесал бок. – Или совет бывалого ведьмака. Без этого никак тебе с силой не совладать. Вот только где их сыскать? Да и потом, даже если тебе свезет и ты его отыщешь, кто знает, чем дело кончится? Может – поможет, а может, и убьет. Человечья-то душа потемки, что уж про ведьмачью говорить.

– Кстати, вот вы говорите, что сила мне не подчиняется, – решил прояснить один момент я. – А это не совсем так. Ну что я видеть стал то, что раньше было скрыто, это ладно. Это, скажем так, идет в базовой комплектации. Но Силуянова-то я нынче в больницу отправил!

И я в двух словах объяснил этой парочке, что сегодня на работе вышло.

– Злоба, – пискнул Родька. – Разозлился ты, хозяин, вот и получилось у тебя порчу навести на этого вашего... Как его?

– Силуянова, – подсказал я. – Порчу?

– Она и есть, – подтвердил подъездный. – А ты как думал? Сила пока не твоя, но она же в тебе живет. Ты подлинную злость ощутил, она это почуяла и сделала то, что ты сказал. Это, кстати, хорошо. Не то, что ты того мужика в больницу отправил, а то, что она отозвалась и подчинилась.

А вообще – круто. Брошенное вскользь слово – и нет проблемы. Ведь этот хмырь Силуянов, он бы меня сегодня разделал у Чиненковой, как японца рыбу. А так – и мне хорошо, и народ порадовался. Его же мне совсем не жалко. Поделом вору и мука.

– Вопрос, – я положил локти на стол. – А вот когда я... Точнее – если я эту силу себе подчиню, то и похлеще смогу штуки проделывать?

– Ничего не понял, – посмотрел на Родьку подъездный. Тот только мохнатыми плечами передернул, как бы говоря, что он с ним солидарен.

– Вот вы сказали – кто из ведьмаков с мертвецами общается, кто за деньги свои услуги продает, – пояснил я. – По сути выходит, что ведьмак – это маг. Я верно понял?

– Ведьмак – это ведьмак, – Вавила Силыч посмотрел на меня так, как взрослые смотрят на детей. – Он не чародей. Нет у него способностей к тому, чтобы горы двигать или из навоза золото делать. Это ты, Александр, телевизора пересмотрел. Нет, когда-то были чародеи на такое способные, мне дед рассказывал про старые времена. Вот они много чего умели, но то когда было? Еще при Древних богах.

– Языческих? – уточнил я.

– Древних, – терпеливо повторил Вавила Силыч. – А после того, как Древние боги сгинули, чародеев не стало. Кого перебили, кто просто сгинул в никуда.

– Не понимаю, – пожаловался я ему. – В чем разница чародея и ведьмака? Я сказал – чтобы тебя стошнило. Силуянова стошнило. Это же магия!

– Еще раз говорю – это порча, – устало вздохнул подъездный. – Вот если бы ты сказал: «Чтоб ты окаменел», и он окаменел – это была бы волшба. А заставить кого-то желудок опорожнить – особого умения не надо. Настоящие же чародеи – это другое. Они стихиями повелевали, живое мертвым делали и с богами спорили.

– Ну живое мертвым любой гопник с пистолетом сделать может, – резонно возразил ему я.

– А обратно? – ехидно парировал Вавила Силыч. – То-то и оно. А если живое сделать мертвым, да так, чтобы оно внутри по-прежнему живым оставалось? Убить человека, да душе его уйти к богам не дать? А если не одного человека они эдак? Э-э-э-э... Нет, хорошо, что чародеи перевелись.

Мне представилось, как я, держа в руках по молнии, крушу ими третий этаж банка. И четвертый тоже, тот, где сидит завкадрами, главбух и предправ с зампредами. Жесть!

Картина была очень приятная. Особенно мне понравилась кучка пепла с позолоченными пуговицами, которая осталась все от того же Силуянова.

– Не скажи, – мечтательно произнес я. – А что ведьмаки, совсем-совсем ничего такого не умеют? Ну там, файербол запустить? Это тоже живое мертвым делать, в определенном смысле.

Мои собеседники снова непонимающе переглянулись.

– Ну, файербол, – я помахал руками. – Такой сгусток энергии, им как шваркнешь – и все загорается.

– Молоньи! – взвизгнул Родька. – Ты про молоньи говоришь, хозяин?

Теперь я заморгал, не понимая, о чем он ведет речь.

– Молнии, – пояснил мне подъездный.

– Как при грозе, – подтвердил Родька. – Видал я такое. Захар Петрович такого не умел, а вот мой хозяин, что до него был, тот да, как-то раз ими бросался. Но он могучий ведьмак был.

Я совсем приободрился. Молоньи – это хорошо.

Надо будет потом с Родькой отдельно поговорить. И еще – это сколько же ему лет?

– Ты имей в виду, Александр, – тихо, но очень веско произнес Вавила Силыч. – Ведьмачья сила – она от земли идет, как и исконная ведьмина. Но бывает и так, что кое-кто пытается мощи в другом месте зачерпнуть, и первейшее, что на ум приходит – кровь человеческая. Только вот если ты хоть раз это сделаешь, прежним уже не будешь. Тебе после этого всегда мало будет того, чего ты достиг, ты все время будешь большего хотеть. И кровь людскую лить как водицу, без остановки.

– Часто такое бывает? – слова подъездного внезапно нагнали на меня жути.

– Нет, – покачал головой тот. – Но случалось. Мне мой отец рассказывал, что в начале того века такое учудил один из ведьмаков. Много крови пролилось, пока его не уgomонили, сильно много. Так что ты поосторожней.

– Да что я, маньяк, что ли? – мне даже обидно стало.

– Все с мелочей начинается, – Вавила Силыч был очень серьезен. – Вот ты этому твоему, с работы, желудок расстроил по злобе. Тебе, я вижу, это понравилось. Отомстил, и не подумает на тебя никто. Потом другому напакостишь, покрупнее. Потом еще и еще. А потом силы не хватит. А хочется ведь!

– Да что ты такое говоришь! – возмутился Родька. – Он не такой. Ты на него посмотри!

И в самом деле – я не такой. Я вообще крови боюсь.

– Надеюсь, – подъездный прыгнул с табуретки на пол. – Иди-ка ты, Александр, спать, тебе оно не лишнее будет. И я пойду. Сегодня Виктор из двадцать второй квартиры зарплату получил, наверняка опять водки напился и в душ полез, есть у него такая привычка. Надо проверить – он кран завинтил после душа или нет?

– Бывает, что не закручивает? – шутливо поинтересовался я.

– Бывает, – кивнул подъездный. – А еще бывает так, что кое-кто в туалете свет не тушит, электричество жжет почем зря.

Это он обо мне. Есть такой грех, с детства еще, мне от родителей постоянно за это попадало, и они звали меня Васисуалием, что было довольно обидно. Так вот кто свет выключал! А я-то гордился тем, что на автомате это делаю.

– Я присмотрю, – важно заявил Родька.

– Ступай, ступай баиньки, – мягко сказал мне Вавила Силыч. – Надо тебе отдохнуть, Александр.

– Да какой там? – я поморщился. – Столько всего навалилось. Надо же все обдумать, разложить по полочкам...

– Завтра разложишь, – мягко сказал подъездный и шелкнул пальцами. – Иди уже.

Я зевнул и понял, что у меня непреодолимо слипаются глаза. Дойти бы до кровати...

Редкий случай – наутро я проснулся сам, без будильника.

Потянувшись, я по привычке стал вспоминать, что мне сегодня надо сделать на работе, и тут же мысли перескочили на вчерашний день. Точнее – на вечер.

Вчера все это под конец, во время разговора на кухне, казалось нормальным. Виной ли тому был стресс, пережитый в парке, или что-то еще, но мне, еще позавчера не верящему ни в бога, ни в черта, было вполне комфортно в компании домового и этого... Даже не знаю, кем он в иерархии сверхъестественных существ числится. Родиона, короче.

Но то вчера. А сегодня, глядя на солнечный луч, падающий из окна в комнату, мне все произошедшее накануне казалось сном. Кстати – может, это он и был? Так сказать – причудливые извивы сознания, изысканные галлюцинации, вызванные крайним утомлением...

Затрезвонил будильник, и тут же из-под кресла с истошным визгом выкатился маленький мохнатый клубок.

Стало быть – не извивы. Вон она, галлюцинация, бежит по комнате, топчет по ковро лапками и гомонит.

– Хозяин! – орал Родька. – Это чего? А?

– Будильник, – хлопнул я по кнопке, отключая упомянутый прибор. – Ты чего, их не видел никогда?

– Нет, – остановился и приложил лапку к груди мохнатик. – А он зачем?

– Чтобы не проспать, – удивился я. – Иначе как я проснусь?

– Мы дома с петухами вставали, – хмуро проворчал Родька. – Разбаловались вы тут, дрыхнете до полудня.

Не успел поселиться, а уже критикует. Вот же.

– Ладно, – я спустил ноги с кровати на пол и зевнул. – Скажи мне – все, что вчера Вавила Силыч сказал, – так оно и есть?

– Ага, – кивнул Родька. – Кабы еще не хуже.

– Слушай, но ты же все это время при ведьмаках жил, – требовательно произнес я. – Неужели ты ничего не знаешь, не помнишь? Как так?

– Я – слуга, – жалобно сказал он. – Просто – слуга. Я не смотрю туда, куда мне не говорят смотреть, не делаю того, что не велено, и не запоминаю то, что мне не предназначено. Такой я. Беспольный для тебя, выходит.

И Родька заплакал, вытирая слезы лапой.

– Вот ведь, – мне стало как-то неловко. – Ну, не слишком беспоольный, я так думаю. Что-то ты умеешь делать? Кстати – чем ты обычно занимался у этого... Петровича?

– Травы собирал, – бойко ответил Родька, смахнув слезы. – Какие попроще, понятное дело. Мандрагир или одолень-траву он сам брал, а зверобой там, вербену, плющ – так это я. Еще несложные растирки делал. Кашу варил. За чистотой следил. Дом сторожил.

– О, – поднял я указательный палец вверх. – Ну, трав мне не надо, а вот чистота – это хорошо. Ей и займись. И дом стереги. Еда в холодильнике, не стесняйся, бери что хочешь, тем более, что там особо ничего и нет. И с огнем не балуйся. А я браться – и на работу.

– Значит – не выгонишь? – обрадовался Родька и вроде как собрался бухнуться на колени.

– Даже не подумаю, – я встал с кровати. – И это... Не вертись у меня под ногами по утрам, хорошо?

По дороге на службу я, против своего обыкновения, не читал, а размышлял, благо было о чем.

В первую очередь меня очень беспокоило, насколько быстро я поверил во все, что увидел и услышал. То есть – любого нормального человека сам факт беседы с домовым и непонятной чудой-юдой должен как минимум выбить из колеи, и это я не говорю про все то, что от них узнал. Почему со мной этого не случилось? Память предков проснулась? Или ее что-то разбу-дило? Например – та самая сила, что пока еще не моя, а чужая?

Или мы просто настолько отвыкли от чудес, что сами рады в них поверить и хоть так сбежать от серых будней? Собственно, не потому ли все так любят книги и фильмы в стиле «фэнтези»?

Второе, что меня беспокоило – собственная безопасность. В угрозу со стороны ведьмы я поверил еще быстрее, чем во все остальное. Странно, что у меня кошмаров с ее участием нынче не было ночью.

Ну и самое главное – что с силой делать? Сдается мне, Вавила Силыч к категории «шутник-домовой» не относится, а потому по поводу опасности, от нее исходящей, не шутил. Значит, надо как-то ее обуздывать. А как? У кого спрашивать-то про это?

Надо будет в сети порыться. Там чего только нет, может, и найду какой совет путный или хотя бы ниточку, за которую можно потянуть. Есть же сейчас всякие общины славянские, которые старые верования да поконы изучают, быт пращуров реконструируют и все такое. Они что-то знать могут.

В общем – невеселые дела.

Но это были еще цветочки. Самое забавное, что очередные неприятности тюкнули меня по темечку с той стороны, откуда я их даже и не ожидал.

Часа через два после того, как я пришел на работу, у меня зазвонил телефон.

– Сань, – услышал я в трубке голос Витька, у которого сегодня опять была смена, правда, сидел он нынче на главном входе. – Пулей сюда. Тут по твою душу пришли.

– Кто? – удивился я. – Вроде никого не жду.

– Да живей давай, – прошипел тот и повесил трубку.

И правда – посетители пожаловали ко мне. Сразу двое – молодой парень в светлой куртке и невысокая рыжеволосая девушка, которая вызвала у меня какие-то смутные ассоциации.

Точно. Я ее вчера видел, когда на переходе обернулся. Эти двое к лавочке подходили, на которой покойный ведьмак лежал.

– Вот он, – показал на меня Витек. – Александр Смолин, собственной персоной.

– Прекрасно, – сказал парень в куртке, достал из кармана красную книжку и развернул ее перед моим лицом. – Старший лейтенант Нифонтов, главное следственное управление. Это – лейтенант Мезенцева. Поговорим?

Глава четвертая

Очень хотелось произнести что-то вроде, тем более, что следак взял свойски-запанибратский тон, сходу перейдя на «ты»:

– А у меня есть выбор?

Но – не стоит. Не то чтобы сотрудники полиции были лишены чувства юмора, просто иногда он у них приобретает достаточно специфические формы. Помню, к нам как-то нагрязнуло «маски-шоу» (случается и такое, что поделаешь), так мы, сотрудники отдела финансового мониторинга, очень следователям, которые вслед за автоматчиками пожаловали, не понравились. По сути, причина у них была, наша тогдашняя начальница слишком уж по поводу происходящего разорялась, чуть ли не на мат перешла. В результате, огребли мы все. Когда начался обыск, народ из других отделов согнали в большой кабинет на втором этаже, а нас оставили внизу, около наших рабочих мест. При этом отходить от них было нельзя, но и за столы садиться тоже было нельзя. Проще говоря – мы добрых четыре часа стояли пешком. Мне-то еще ничего, в ботинках, а вот девчулям на каблуках было нелегко. Хорошо хоть, что через часок они плюнули на условности и их поснимали. Но все равно – ноги потом гудели жутко. И ведь все по закону, не придерешься. И даже вроде как смешно. Правда не нам, но это уже детали.

Так что я с властью не шучу, себе дороже. Козыри всегда на руках у них, а не у меня. Тон может быть какой угодно, но, ежели чего, так это он меня «примет», а не я его.

А вообще-то крепко эта парочка мне своим визитом поднагадила. Вон как Витек смотрит, практически извиняется бессловесно своим взглядом. Мол, прости, Саня, но я о том, что к тебе ГСУшники пришли, сейчас расскажу начальству. Вот только вы уйдете – и расскажу.

Хотя – о чем я? Он уже это сделал, поскольку вон Анна свет Сергеевна из-за поворота выплыла, аки лебедушка. Анна Сергеевна – начальник юридической службы, она красива, величественна, неприступна и невозмутима. Собственно, ей и подобает такой быть, согласно утвержденной должностной инструкции и положению об отделе. А еще у нее есть регламент на подобные ситуации, и в его рамках теперь пойдет наше общение с этой парочкой. Согласно ему, любой представитель власти, прежде чем попадет в здание банка, должен пообщаться с ней, родимой. Ну если у него нет с собой группы поддержки в виде двух десятков автоматчиков в масках.

– Юрист, – заметил ее Нифонтов и усмехнулся. – Понятно. Ох уж эти мне формальности.

– Добрый день, – как всегда с улыбкой подошла к нам юрист. – Анна Немирова, начальник юридической службы. Что случилось?

– Ровным счетом ничего, – Нифонтов показал ей удостоверение. – Просто хотим пообщаться с вашим сотрудником. И сразу отдельно отмечу – интересы банка тут совершенно ни при чем, и какие-либо темы по его профессиональной деятельности подниматься не будут. У нас к господину Смолину вопросы не как к сотруднику вашей кредитной организации, а как к частному лицу. И еще – он не подозреваемый, он свидетель.

– Свидетель чего? – сразу же среагировала Анна, внимательно изучив «корочку». – Слишком широкое понятие.

– Не шире правового поля, – забавно сморщила веснушчатый нос рыжеволосая лейтенант Мезенцева.

– Смешно, но не информативно, – не подумала ответить на шутку Немирова.

– Так мы и не шутим, – заверил ее Нифонтов. – Так что, госпожа Анна... Как вас по отчету?

– Не суть важно, – Немирова махнула рукой, видимо, что-то для себя решив. – Вам, я так понимаю, нужна переговорная?

– Совершенно верно, – старший лейтенант изобразил на лице восхищение нашим юристом. – Приятно иметь дело с опытным человеком.

«Переговорка», естественно, нашлась моментально, сотрудники ГСУ без приглашений сели в кресла, я пристроился напротив них, рядом со мной приземлилась и Анна.

– Не считите за нахальство, но нам бы хотелось пообщаться с Александром наедине, – мягко произнес Нифонтов. – Так сказать – приватно. Отдельно замечу – без какой-либо записи разговора и протокола. Повторюсь – тема беседы совершенно не связана с вашей бесспорно замечательной и безупречной в правовом смысле кредитной организацией.

– Не думаю, что у Смолина есть от меня тайны, – Немирова дала понять голосом, что не собирается покидать помещение.

– Анна, вы умная женщина, – в голосе Нифонтова что-то неуловимо изменилось, я это почувствовал, да и моя соседка, похоже, тоже. Она ощутимо напряглась. – Нет-нет, я не собираюсь вас запугивать, мне это ни к чему. Мне прекрасно известно, что вы скажете, когда я повторно попрошу вас выйти. Вы сообщите мне, что в этом случае мы должны вызвать Смолина к себе повесткой и беседовать с ним сколько захотим. А это банк, и в нем есть свои внутренние порядки. Да?

– Примерно так, – с достоинством ответила Немирова.

– Я еще больше скажу – мне было ясно, что так оно все и повернется, – Нифонтов достал из кармана телефон, пошерудил по экрану пальцами и приложил трубку к уху. – Одну минуту.

На лице Анны появилась полуулыбка. Я так понимаю, что подобную картину она наблюдала не впервые. Хотя оно и не странно – к нам что ни день, да кто-то ходит. То налоговики, то орлы из УБЭП. Даже из транспортной полиции – и то заглядывают. И каждому что-то нужно. А если всем все выдавать без звука, то клиентов растерять можно.

– Олег Георгиевич, это я, – сказал тем временем в трубку Нифонтов. – Ну да, без вашей помощи не обойтись. Ага, передаю.

Он протянул аппарат Немировой и подмигнул.

Анна взяла телефон, холодно глянула на нашего гостя и ответила:

– Да? Добрый день.

А вот дальше было интересно.

Анну Сергеевну за глаза называли «Железной леди». Никто никогда не видел, чтобы она не то что выходила из себя, а хотя бы просто давала волю хоть каким-то чувствам. Их у нее, по ходу, вовсе не было.

И это при том, что раньше или позже срыв настигает каждого сотрудника банка, независимо от отдела, в котором он работает, и обязанностей, которые выполняет. Он начинает орать про то, что за такие деньги ему ничего нафиг не надо, что нервы у него не железные, что руководство состоит сплошь из гадюк семибатовских, и плевать он хотел на то, что завтра его за эти слова уволят. Кстати – ни разу не видел, чтобы кого-то за подобное уволили. Руководство – оно и впрямь такое, но они же не дураки? Всё понимают, особенно если учесть, что многие тоже начинали с низов. Не все. Но многие.

И это с ее фронтом работ, где вообще одни нервы. Уникальная женщина.

А тут на тебе – цитадель спокойствия дала брешь. На лице Немировой сменилось несколько гримасок, которые я истолковал как сначала узнавание, потом удивление, потом даже вроде испуг.

– Я поняла вас – сказала наконец она, дослушав собеседника. – Разумеется, никто вашим сотрудникам препятствовать не будет.

Она отдала аппарат Нифонтову и встала с кресла.

– Так и знала, что вы пойдете нам навстречу, – невинно-язвительно заметила Мезенцева. – Вошли в наше положение?

– Нет, – бесстрастно ответила ей Анна. – Просто я знаю вашего шефа и кое-чем ему обязана. Я, знаете ли, до банка успела поработать в Системе, а она, как показывает практика, чрезвычайно тесна. Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Нифонтов. – Мы быстренько поговорим с Александром и дальше побежим. Дел полно.

– Как скажете, – и Немирова покинула переговорную.

Я проводил ее взглядом и вздохнул.

– Что такое? – Нифонтов посмотрел на меня.

– Да лучше бы вы меня к себе вызвали, – честно ответил ему я. – Сюда-то зачем было приходить? Теперь начальство вопросами замордует, «чего» да «почему».

– Могли бы, – в тон мне сказал Нифонтов. – Но это долгая песня, знаю я вашего брата. Сегодня не могу, завтра не могу, давайте лучше в пятницу, после шести, раньше никак. А нам информация сейчас нужна, а не в пятницу.

– Спрашивайте, – решил не углубляться в дебри спора я. – Вы же по поводу того деда, что вчера на Гоголевском богу душу отдал, сюда пожаловали?

– Богу, – ухмыльнулась Мезенцева.

– Евгения! – шикнул на нее Нифонтов и снова обратился ко мне. – А почему ты решил, что именно по этому вопросу мы к тебе пришли?

– А по какому еще? – мне даже не пришлось изображать удивление. – Я законопослушный гражданин, даже дорогу в положенном месте перехожу, так что других пересечений с органами власти быть не может.

– Сказал человек, работающий в банке, – как бы в сторону мурлыкнула рыжая Евгения.

– Стереотип, – привычно парировал я. – Нет, мне девчонки-ветераны рассказывали о лихих делах, которые велись в годы первоначального накопления капитала, да и в начале «нулевых» тоже, про картонные коробки с деньгами и липовые авизовки. Но то когда было? Сейчас такого уже не встретишь, ЦБ в сторону вильнуть не даст, чуть что – проверка и отзыв лицензии. Себе дорожке выйдет. Нет, бывают банки под «слив», там всякое случается, но это не про нас. Так что – сказки это все, вроде моментальных переводов в фильмах.

– Каких переводов? – заинтересовался Нифонтов.

– Ну, знаете, когда один бизнесмен говорит другому: «Я перевожу тебе двадцать миллионов долларов, а ты отдаешь мне эти бумаги», и цап свой телефон, – объяснил я. – За пару секунд чик-тык – и второй сразу же видит на своем счете, который открыт где-то в Швейцарии, кругленькую цифру. Выглядит красиво, но мы над подобными вещами всегда смеемся. Не бывает. Нет, на Западе возможно, но у нас за пять секунд миллионная сумма, да еще в валюте, да еще за рубеж...

– Забавно, – Нифонтов рассмеялся. Хорошо так, звонко. Кстати – он, по ходу, совсем еще молодой, ему двадцать пять, не больше. Мой ровесник, может, чуть постарше. Видимо, просто жизнь затюкала, да заросший шрам на правой щеке его старит немного. Он сразу мне как-то в глаза не бросился, а вот сейчас я его заметил. – Ну да ладно, это все так, лирика, отвлеченные темы. Да, нам хотелось бы послушать твой рассказ о вчерашнем происшествии на Гоголевском бульваре. Сразу просьба, изложи все максимально точно – что видел, что слышал. В идеале – поминутно.

– Ну поминутно – это вряд ли, – почесал затылок я. – А так – постараюсь.

– Не надо стараться, – попросил Нифонтов. – Надо сделать так, как нужно. Начинай, пожалуйста.

Что интересно – ни диктофона, ни бумажки для записей. Видно, память хорошая. Или я просто не вижу записывающего устройства.

– Значит, так, – я положил ладони на стол. – Было без семи минут девять...

Правду говорить всегда легко и приятно – это аксиома. Мне же здесь врать было совершенно ни к чему, поскольку бояться нечего – я ни в чем не виноват.

А о последствиях этого происшествия они меня вряд ли будут спрашивать, тем более о тех, которые имеют место быть. Это же не Малдер со Скалли, правда?

И не угадал. К моему великому удивлению, именно в эту сторону Нифонтов и стал поворачивать оглобли после окончания моего рассказа.

– Стало быть – потерял сознание? – уточнил он, переглянувшись с Мезенцевой.

– Ага, – ответил я. – Сам удивлен, раньше за мной подобного не водилось. Нет, пару раз было, но в детские годы. Первый – когда в школе с каната навернулся, второй... Там личное.

– Так хорошо было? – рыжая Евгения меня, похоже, за что-то невзлюбила.

– Бутылку водки залпом выпить хотел, – я уставился ей в глаза. – Не выпил, слабоват оказался. Вырубился я.

Ну, на самом деле все было не так, точнее – не совсем так, но это и неважно. К нынешнему делу эта история отношения не имеет.

– А тут – раз, и валишься без чувств? – даже не особо скрывая иронию, за которой чувствовался подвох, произнес гсушник. – Странно.

– Странно, – немедленно согласился с ним я. – Не то слово. Но хоть сколько-то связного обоснования у меня нет.

– Хорошо, – Нифонтов не переставал улыбаться, это начало меня немного нервировать. – А перед тем, как ты отправился в обморок, ничего странного не произошло? В тот момент, когда ты пожал руку незабвенного Захара Петровича?

Вопрос был странный, не сказать больше. Куда он гнет? Что услышать хочет?

Или – он знает? Все – знает? В смысле – о том бреде душевнобольного, который на меня за какие-то грехи свалился и в который я даже поверил?

Да ну, чушь. Если бы мне вчера с утра такое рассказали, я бы долго смеялся, а потом посоветовал тому, кто такое придумал, либо поменьше фэнтези читать, либо самому его начать писать.

Но тогда – к чему подобные вопросы?

Только вот если даже это так, и этот следак в курсе происходящего, ничего я ему не расскажу. Я хорошо запомнил слова Вавилы Силыча о том, что друзей у меня теперь нет. И в них поверил.

Может, это вообще не следователь ГСУ, а какой-нибудь... Блин, не знаю я нашего фольклора, к своему стыду. Западный знаю, про него книг много и фильмов, а нашего не знаю.

А, вот. Может, он какой-нибудь анчутка. Понятия не имею, кто такой «анчутка», но слово забавное. Эта же Евгения точно ведьма. Вон – все приметы на лицо, не сказать – на лице. Сама рыжая, глаза зеленые.

– Нет, – пожав плечами, ответил я. – Ничего не случилось. Я же говорю – сам в шоке. Еще и пиджак испачкал.

– Ну да, ну да, – побарабанил пальцами по столу Нифонтов. – Следующий вопрос. Возможно, он тебе покажется странным, но тем не менее – после того, как ты покинул бульвар, с тобой ничего странного не произошло? Такого, что не укладывается в привычные рамки? Обыденные?

– Если честно – не до конца понимаю, о чем речь идет? – изобразил недоумение я. – Что именно вы вкладываете в слово «странного»? У нас тут банк, что ни день, так новости, одна другой страннее. ЦБ, знаете ли, оно иногда похлеще Бермудского треугольника бывает, такие приказы и инструкции выпускает, что поневоле задумаешься – не окопался ли там иномировой разум.

– Юлит, – без тени сомнения сказала спутнику Евгения. – До того все честно говорил, а теперь юлит. Случилось уже. Что-то он то ли увидел, то ли понял.

– Смахивает на то, – даже не стал с ней спорить Нифонтов. – Саша, ты просто сам не понимаешь, в какую историю влез и чем все это для тебя закончиться может. В принципе, о том, что приключилось на скамейке, ты мне можешь ничего не рассказывать больше, я и так все знаю. А вот о том, что случилось после того, мне бы очень хотелось послушать.

Вот прямо все как в плохом кино. И тон, и слова. Все знают, что в таких случаях следователю верить не стоит.

И я не собираюсь этого делать.

– Вы мне хоть намекните, про что вам рассказать? – взмолился я. – Нет проблем, все сделаю. А то ведь непонятно даже, что вы от меня хотите.

– Пустое, – посмотрел Нифонтов на напарницу. – Ладно, подождем, пока созреет.

– Если только успеет, – зловеще прищурилась та. – Но мне лично его, дурака, и жалко не будет. Не хочет человек понять, что у него появился шанс уцелеть – значит, он ему и не нужен.

В этот момент в дверь «переговорки» постучали, она приоткрылась, и в нее просунулась голова Димы Волконского, второго зампреда.

Не утерпел, стало быть, и Анне не поверил, что все ровно. Пошел выяснять, накой по мою душу следователи пожаловали.

Вообще, Дима – хороший человек. Он относится к тем самым работягам, которые в люди выбились своим трудом, а не по праву рождения. Ну знаете, как бывает (и не только в банках)? Двоюродные братья и сестры, племянники и даже дети друзей высокого руководства периодически попадают на разнообразные посты средней руки, при этом частенько даже не представляя, что им делать-то надо. Выше их никто не поставит – не та степень родства, но вот в среднем звене таких хватает всегда. Нет, в небольших банках с этим попроще, там персонала не так много, все на виду и все при деле, а вот в средних и больших такого добра хоть отбавляй. Как правило, сидят они в головном здании, в подразделениях, четкий результат работы которых проверить крайне затруднительно, вроде «Отдел корпоративного развития» или «Отдел внедрения банковских инноваций», и имеют всегда крайне сосредоточенный вид, даже когда курят или обсуждают, куда поедут в отпуск. Просто основная их работа – делать вид, что они работают. Нет-нет, бывают и исключения, среди них тоже встречаются хорошие и крепкие профессионалы, но эти исключения только подтверждают общее правило. Да и все бы ничего, есть они и есть, не так это и страшно, вот только время от времени даже им нужно показывать какие-то результаты своей работы. Собственно, в этот момент и начинается беда. Они придумывают самолет, который не взлетит, называют это «эксклюзивным продуктом», пишут стосорокастраничную инструкцию по использованию, а после рассылают эту небывальщину по дополнительным офисам. И вместе с ней отправляют план продаж, как правило – заоблачный. И рапортуют, рапортуют, рапортуют. А если что-то пойдет не так – дружно ищут виноватого.

Мне до нынешнего банка довелось поработать в одном крупном, сетевом, топовом, я там на подобное насмотрелся. Помню, когда я туда пришел, там как раз усиленно продвигали пластиковую карту «Странник» с неким уникальным чипом, встроенным в нее. Подразумевалось, что эта карта – не просто универсальное платежное средство, а гениальная инновация из ряда «будущее наступило». Любые платежи, все возможные системы, оплата за все-все-все – от жвачки и авиабилета до прохода в Кремль, Лувр и Прада. Я так думаю, что еще этой картой можно было бриться, а по вечерам она детям колыбельные пела.

Все бы хорошо, но вот такая штука – торговые сети почему-то ее органически не перерабатывали. И билеты по ним не продавали. Да вообще ничего по ней купить было нельзя, она выдавала ошибку в любой стране, кроме нашей. Впрочем, и в нашей срабатывала через раз. Мало того – именно эту карту по какой-то причине захватывали и не хотели отдавать обратно

все банкоматы мира. Ну насчет мира я погорячился, но в Германии и Швеции точно, клиенты оттуда звонили и орала так, что пластиковые стекла в окнах дрожали.

В общем – чего-то в ней то ли перекрутили, то ли недокрутили, а что – непонятно. Скорее всего, как раз уникальный инновационный чип.

Но факт остается фактом. В результате все карточки, что отделения не успели выдать, отозвали обратно, управляющим при этом намылили холку за невыполнение плана по продажам новой услуги, и до кучи уволили заместителя начальника процессинга. Надо же было крайнего найти?

Слава богу, у нас таких почти нет, за редким исключением. И Волконский – точно не из них. Он молодец, за троих впахивает, чего, кстати, я тоже до конца понять не могу. Ну да, карьерные устремления и все такое, но меру-то знать надо? Мужу сорока нет, а налицо уже два микроинфаркта, по одному на две последних «цбшных» проверки. Опять же – приходит на работу первым, уходит последним. Еще говорят, что у него в ящике стола всегда лежат бритвенные принадлежности и свежая сорочка, потому что иногда он прямо тут и ночует.

Как по мне – это перебор. Смысл так гореть на чужом костре? Я понимаю, если бы у него была доля в этом бизнесе, а так он такой же наемный работник, как и мы все. Расходный материал, проще говоря.

Впрочем – каждому свое.

Ладно, я отвлекся. Так вот – сунулся он в дверь, выдал улыбку и говорит:

– Добрый день. Может, все-таки, кофе? Или чай?

– Да нет, – отказался Нифонтов. – Мы уже уходим. А вы, я так понимаю, из руководства будете?

– Заместитель председателя правления, – не без гордости сказал Дима, входя в «переговорку».

И он представился по полной форме, разумеется, протянув обоим «следакам» свои визитки.

– Хорошего сотрудника воспитали, – Нифонтов похлопал меня по плечу. – Человека и гражданина.

– В смысле? – Дима, привыкший искать во всем подвох, тревожно посмотрел на меня.

– В прямом, – объяснил ему Нифонтов. – Вчера господин Смолин показал себя с лучшей стороны, не остался безразличным к чужому горю. На Гоголевском пожилому человеку стало плохо, так он пришел к нему на помощь, всячески пытался спасти, правда, увы, безуспешно. В общем – повел себя достойно.

– Надо же, – Волконский бросил на меня взгляд. – Нам он ничего не сказал.

– Еще и скромный, – веско заметила Евгения. – Молодец какой!

– Так что, Дмитрий Борисович, примите к сведению, – Нифонтов повернулся ко мне, подмигнул и продолжил: – У вас работает герой. Простой, современный герой. Че-ло-ве-к!

Одно хорошо – у Димы с чувством юмора плохо. Была бы здесь та же Немирова, она бы иронию мигом распознала.

– Ладно, на этом и прощаемся, – сказал мне Нифонтов и протянул руку. – До поры до времени. Уверен, что еще увидимся.

– Жизнь – странная штука, – расплывчато сказал я, но руку ему пожал.

– И вот еще – карточку мою возьми, – в пальцах следака, как из воздуха, появился белый прямоугольник. – Звони, когда совсем прижмет. А лучше – не дожидаясь этого.

Волконский переводил взгляд с моего лица, на лицо гсушника, как видно, делая свои выводы из услышанного. Не очень верные, разумеется.

– Думаю, до этого не дойдет.

Нифонтов ничего не сказал, Мезенцева же после моих последних слов звонко засмеялась, похлопала меня по плечу и поспешила за напарником.

– Я провожу, – сказал им вслед Волконский и тоже вышел из переговорной.

Визитка была самая что ни на есть обычная, из недорогих, без золотого тиснения и прочих изысков. Да и не очень содержательная. «Нифонтов Николай Андреевич, старший лейтенант. Отдел 15-К при ГСУ ГУ МВД РФ по г. Москве». И телефон. Всего один, мобильный. Даже городского нет.

Но в целом – я как-то занервничал. Одно дело, когда вся эта чертовщина вертится только вокруг меня, совсем другое, если сюда влезают властные структуры, пусть даже и в виде двух лейтенантов. Это они сейчас добрые и улыбчивые, а потом могут и зубы показать.

И тут я снова пожалел, что проявил вчера сознательную гражданскую позицию. Вот оно мне было надо? Сейчас бы сидел, работал себе спокойно, а не рыскал по сети в поисках информации об этом самом отделе 15-К.

Что интересно – молчала сеть. Ничего я не нашел, вот какая штука, будто и не было этого отдела вовсе, что довольно странно. Даже на сайте ГСУ про него ни слова не оказалось.

Может, это не менты были? Тогда непонятно, почему Анна так в лице поменялась, с кем-то там поговорив по телефону.

А может это вовсе чекисты, а не гсушники? Тогда многое становится понятно.

Помучавшись таким образом еще часок, я плюнул на все и пошел к Немировой.

Та сидела в своем кабинете и лениво ковыряла вилкой какую-то несъедобную мешанину из тушеных овощей, находящуюся в пластиковом корытце.

– Тук-тук, – сказал я, входя в ее кабинет. – Не помешал? Питаешься?

Немирова без особой симпатии глянула на меня.

– Как ты только это ешь? – предпочел я не заметить этого взгляда.

– С отвращением, – сказала та, подумала немного и добавила: – По Дюкану.

Фамилию эту я слышал. У нас почти все девчонки раньше или позже садились на те или иные диеты. Периодически даже толк от этого был, потому как не все диеты являются профанацией. Девчули, скинув первые полтора-два кило, собой очень гордились и немедленно начинали видеть себя на белоснежных пляжных песках, в восхитительно бесстыдных бикини. Вот стоят они, нежась в жадных мужских взглядах, и каждое ребрышко у них видно, и животик плоский. А после приходит ОН!

Собственно, на мечтах все и кончалось. Впечатлившись собственной выдержкой и убедившись, что диета работает, девочки при первой же формальной возможности устраивали коллективный набег на арбатские фаст-фуды, благо недостатка в них не было.

– Да тебе-то зачем? – с возмущением и вытаращив глаза спросил я. – Ты ж и так как та тростиночка, всё при всем...

– Смолин, не буди во мне зверя, – посоветовала мне Анна. – Я про себя все знаю, а твое мнение вообще не рассматривается как компетентное. Зачем пришел?

Чего это не рассматривается? Я что, пластиковый Кен, существо без половых признаков? Даже обидно, честное слово.

– Вот и зря ты так, – пошаркал ногой по полу я. – Это точка зрения независимого эксперта.

Анна воткнула вилку в несъедобную на вид пищу, сложила руки на столе, как первая ученица, и уставилась на меня.

– Понял, – я выставил ладони перед собой. – Вопрос – что за отдел «15-К» такой, ну из которого эти двое были? Ты же все знаешь? И про них наверняка слышала.

– Не слышала, – моментально ответила Немирова.

Настолько моментально, что я понял – она врет.

– Ань? – попробовал усовестить ее я. – Да ладно?

– Сказано – не слышала я про них ничего, – взгляд Анны потяжелел. – Мало ли в Системе разных отделов и управлений, все знать невозможно. И вообще – у меня обед. Вали отсюда, Смолин. Брысь!

Прямо как котка какого-то шуганула.

И все-таки – что это за отдел, если даже наша Немирова, которая вообще ничего на этом свете не боится, про него говорить не хочет?

Неужели и правда в системе МВД есть подразделение, которое занимается паранормальными явлениями? Если да, то я в каком-то смысле буду даже счастлив, поскольку смогу сказать, что теперь видел все. Согласитесь, не все люди на этой планете могут похвастаться тем, что видели все. Опять же – это объяснило бы многое, в первую очередь то, почему про этот отдел ничего в сети нет. И это в наше время, когда, вроде, ничего никуда не спрячешь. Все одно СМИ докопаются до истины.

Собственно, прямое подтверждение последнего моего утверждения я встретил в подъезде, когда вернулся домой.

Подтверждение это звали Марина, жила она на этаж выше меня, и мы были дружны. Именно что дружны, поскольку на что-то другое в данном случае мне рассчитывать, увы, не приходилось, так как уже через пару дней после знакомства прозвучало следующее:

– Ты славный мальчик, Шура, добрый и милый. Я не хочу ломать тебе судьбу, потому будем просто друзьями. И без секса по дружбе, заруби это себе на носу.

Если бы меня попросили показать эталон современного журналиста, то я ткнул бы пальцем в Марину. Она была талантлива, трудолюбива, обладала настойчивостью жука-древоточца и въедливостью хлорки. Еще не закончив журфак МГУ, она умудрилась опубликоваться в добрых двух десятках изданий, причем изданий с именем. И, что примечательно, если верить ее словам, то она даже ни с кем для этого не переспала. Талант всегда себе пробьет дорогу, по-другому и не скажешь.

А еще она была красива, умна и полностью самодостаточна. Ее можно было бы назвать идеальной девушкой, если бы ко всем этим достоинствам не прилагались бы недостатки. Она была невероятно настырна, беспардонна, все время совала нос в чужие дела, и еще у нее полностью отсутствовал инстинкт самосохранения. Отдельно следует отметить, что во всем прочем Марина отличалась редкостным раздолбайством. Например, как-то раз она умотала в Крым с друзьями, оставив включенным будильник. И все бы ничего, кабы тот будильник не был заведен на пять утра и им не являлся музыкальный центр с предусмотрительно вставленным в него диском. Две недели, до той поры, пока она не вернулась, я вскакивал как подорванный ни свет ни заря, ведь меня добросовестно будил Тиль Линдемманн, рассказывающий трогательную историю о своей матери. А баба Маша, что живет над Маринкой, все эти две недели из церкви не вылезала.

Да мы и познакомились соответствующим образом. Она затопила меня на второй же день после того, как я здесь поселился. Просто решила принять ванну, пустила воду и ушла на пять минут посидеть за компьютер. Встала она из-за него только тогда, когда я начал долбить ногами в ее дверь.

Но я рад, что у меня такая соседка. Во-первых, с ней не скучно. Во-вторых... Да нет, наверное, все. Первого достаточно.

Именно это бедствие и встретилось мне на лестнице, когда я отпирал свою дверь. Маринка шла вниз, весело прыгая через ступеньку, что-то напевая и поправляя лямки маленького кожаного рюкзачка, с которым никогда не расставалась. Следом за ней топал невысокий коренастый молодой человек с довольно мрачным выражением лица. Увидев меня, соседка потрянула головой так, что платиновые пряди волос мотнулись из стороны в сторону, и весело спросила:

– Шур, а ты что, кошака завел? Просто вроде раньше ты к животным равнодушен был?

Приветствиями она себя никогда не утруждала, считая их никому не нужной формальностью.

– Нет, – передернул плечами я и насторожился. – А что за кошак?

– Черный, – Маринка прыгнула с последней ступеньки, подошла ко мне, небрежно прикоснулась губами к моей щеке и потерла ее, стирая помаду. – Знатный такой. Глаза зеленые, хвост пушистый, и злой как собака. Меня увидел, зашипел и лапой махнул. Я просто заметила, что он у твоей двери трется, вот и подумала – не иначе как ты его завел, из дома выпустил, а обратно запустить забыл.

Стало быть, нашла меня та ведьма. Ее это кот. Как там его? Феофил.

Может, надо было этому Николаю все рассказать? В офисе-то мне страшно не было, а вот когда ночь на носу, уверенность в своей правоте как-то подуменишилась.

Кстати, о Николае.

– Марин, а ведь ты, как журналист, много чего знаешь? – начал я издалека. – Ну, структуры, все такое?

– Не без того, – соседка достала из кармана «чупа-чупс» и начала его разворачивать. – Шур, ты вола за шары не тяни, если надо что – спрашивай. Не чужие люди. Если смогу – помогу, как ты мне тогда.

Это да. Она, когда материалы для одной из статей готовила, так меня наизнанку выворачивала несколько дней. Там тема была с банками связана.

– Да есть в системе МВД один отдел, ничего про него найти не смог, – я достал из кармана визитку Нифонтова. – Хотелось бы конкретики.

– Ты что-то натворил? – Маринка сунула в рот конфету и взяла у меня карточку. – ГСУ. Шура, ты проигнорировал мой вопрос. Ты встал на кривой путь правонарушений?

– Нет, – твердо ответил я. – Но знать, что за отдел такой, хотелось бы.

– Никогда не слышала, – покачала головой Марина. – Но это и не мой профиль, так что ничего удивительного. Зато это делянка Севастьянова, и он, на твою удачу, вон стоит. Да, Шур, это Севастьянов.

Молодой человек, стоящий за Маринкой, протянул мне руку и сказал:

– Сергей Севастьянов. Очень приятно.

– Он почти так же талантлив, как я, – пояснила Марина, пока мы обменивались рукопожатиями. – Только он уже в штате газеты, а я у них стажер. Так вот, к чему я – он сотрудник отдела криминальных и тому подобных новостей. Убили, украли, взорвали. То есть – с ментами регулярно общается. Серег, глянь, ты такое подразделение знаешь?

Севастьянов взял карточку, прочел написанное на ней и покачал головой:

– Нет, не сталкивался. Но если надо – пробую у Стасика.

– Кто есть Стасик? – заинтересовалась Марина.

– Дружок мой школьный, – пояснил Сергей. – Он недавно школу милиции закончил и теперь опером в СКМ у нас на районе служит.

Севастьянов достал телефон и сфотографировал визитку.

– Хочешь – оставь номер, если что узнаю, тебе перезвоню, – предложил он мне.

– Нетушки, – помахала чупа-чупсиной Маринка. – Фигушки. Вся информация через меня. Все, Шурик, мы побежали, у нас планерка. Шеф у нас зверь, он это мероприятие не утром, а вечером проводит, и невероятно громко орет, если кто-то опаздывает.

Я проводил ее взглядом, прикинул реакцию собственного руководства, если бы кто-то из моих сослуживцев пришел на совещание в джинсовых шортах, которые были короче, чем те трусы, которые сейчас были на мне, похихикал по этому поводу и сунул ключ в замок.

Глава пятая

Вообще-то сплю я крепко. У меня с этим в целом проблем нет – ни с тем, чтобы заснуть, ни с ночными кошмарами, ни с чем таким прочим. Повезло, в наше нервное время у кучи народа проблемы со сном. Стрессы, синдромы, экология опять же ни к черту.

Так вот – сплю я крепко и разбудить меня – это если и не проблема, то задачка из непростых. Однако же вот – посреди ночи я проснулся от какой-то возни и сопения в коридоре.

Сначала, спросонья, я подумал о том, что это Родьке нейдет, дня ему мало было, он и ночью решил по хозяйству проворить.

Дело в том, что это странное пушистое создание восприняло всерьез мои слова о том, что я ему поручаю следить за чистотой, и на самом деле выдраило квартиру до блеска. В ней такой стерильности и порядка сроду не было. Как сказала бы одна моя добрая знакомица Алена – «Словно в операционной». Ей можно верить, она медик.

Мало того, он еще и стирку затеял, причем – ручную. Машинку мой новый слуга проигнорировал, скорее всего, по той причине, что даже не знал о ее предназначении. Откуда-то с балкона он вытащил древнее жестяное корыто, в котором некогда меня маленького купали, и пустил его в дело. Причем порошки тоже были обойдены стороной, в ход пошло хозяйственное мыло. Представляю себе, как мои рубашки теперь пахнуть будут.

И только с обедом, он же ужин, не сложилось. Печи у меня не было, костер он складывать на полу побоялся, а как работает плита – не знал. Спросил бы у Вавилы Силыча, да он днем дрыхнет, будить как-то неудобно. Это не мои слова, а его.

Ассортимент продуктов, к слову, его тоже не устроил. Гречи, мол, нет, репы нет, солений нет. Одни коробочки да пакетики, да еще пшено сорочинское. Это он так рис назвал. Интересно, почему «сорочинское»?

Но в целом я остался доволен, похвалил его и, как стемнело, спать пошел. А то мысли в башке так и ворочались, так и ворочались. И до добра это меня бы не довело.

И – на тебе, разбудили. В три пополуночи, если верить экрану смартфона.

Я зевнул, встал с кровати, и решил шугануть неугомонного Родьку как следует, чтобы не имел привычки беспокоить меня в ночи.

Впрочем, тут сонливость с меня и слетела, как листок с ветки по осени. Коридор, ведущий из моей миниатюрной прихожей в кухню, был весь залит синевато-призрачным светом, и свет этот не был привычной с детства лунной дорожкой. Это сияние было другое, более яркое, насыщенное и тревожное.

Хотя даже не это было самым пугающим в увиденном мной, свет – он и есть свет, от него вреда не будет, откуда бы он ни шел. А вот Родька, громко сопя дерущийся со здоровенным черным котом, которого я, если можно так сказать, сразу узнал в лицо – вот это заставило меня судорожно слотнуть и застыть на месте.

Стало быть – добрался он до меня. И добро, если только он.

А драка была нешуточная. Я даже подумать не мог, что этот меховой шарик – он настоящий боец, однако же вот, только гляньте. У него, как оказалось, и коготки наличествовали, потому что прямо на моих глазах он вдарил ими по наглой усатой морде и порядком ее расквевил.

– Ну же, – раздался из прихожей знакомый по прошлой ночи скрипучий голос, от которого у меня по телу мурашки размером с вишню пробежали. – Найди его, Феофил! Убей эту тварь и найди мне его! Не тяни!

Надо заметить, что голос был вроде тот, но при этом звучал глухо, как из бочки.

Самым разумным было бы, наверное, свалить в маленькую комнату, подпереть дверь шкафом и отсидеться там до утра. Кем бы ни была эта мерзкая старуха, она точно не Валуев, фиг она эту баррикаду свернет вот так запросто.

Я подумал об этом, тряхнул головой и вместо того, чтобы шмыгнуть в комнату, зачем-то поспешил на помощь Родьке, который пропустил удар лапой слева и отлетел к стене, порядком об нее брякнувшись.

Не знаю, почему я так поступил. Видимо сработал давно забытый инстинкт, вбитый в детстве. Наших бьют, однако...

Я выскочил в коридор, и тут Феофил заметил меня, его глаза блеснули изумрудной зеленью, прямо как в кино.

Он раззявил пасть, зашипел и выгнул спину дугой.

– Вот он! – взвизгнул голос откуда-то слева, в нем было столько злобной нечеловеческой радости, что у меня даже в носу волосы дыбом встали. – Феофил, кровь! Мне нужна его кровь!

Бросив взгляд налево, туда, откуда шел голос, я оторопел. Самой ведьмы в коридоре не было. Она обнаружилась в большом ростовом зеркале, которое было вделано в гардеробный шкаф. Собственно, оттуда и лился этот мертвенно-синий свет. Бабка прильнула к стеклу с внутренней стороны, за ней виднелась какая-то зелень, вроде как болото.

Заметив, что я смотрю на нее, она захохотала, широко раскрыв свой беззубый рот.

– Сбежать хотел? – часто дыша, словно задыхаясь, спросила она у меня. – Дурачок! Все твоё – моё будет! И сила, и сердце!

– Хозяин! – взвизгнул Родька у стены. – Берегись!

Он, как маленькая мохнатая молния, прыгнул на спину Феофилу, который как раз нацелился вцепиться когтями мне в ногу.

– Если этот гад тебе кровь пустит, то он ей двери откроет, – вопил мой слуга, вцепившись руками в горло кота и чем-то напоминая ковбоя на родео. – Она тогда сюда сама придет! Не лезь, хозяин! Вавила Си-и-и-илыч!

Вот оно что. Она сюда войти не может. Ну да, мой дом – моя крепость. И, судя по всему, только до тех пор, пока кто-то не подберет ключи к дверям этой крепости.

Кошак попытался скинуть с себя Родьку, но тут же взвыл благим матом – похоже, что тот вцепился зубами в его ухо.

Лицо ведьмы скривилось, она раздраженно ударила ладонями по стеклу и крикнула:

– Живей! Что ты возишься?

Не могу сказать, что у меня была безоблачная жизнь, в ней всякое случалось, но такого, как сейчас, не было никогда. И я не про ведьму в зеркале говорю, тут и так понятно, что это за гранью понимания. Я про то, что чуть ли не в первый раз в жизни я застыл столбом, не зная, что делать дальше.

Помочь Родьке? Хорошо бы, да он знай орал: «Я те покажу!» и «Хозяин, не лезь!». Эта парочка переместилась в комнату, где, судя по грохоту и звону, умудрилась перевернуть стул и что-то разбить.

Расколотить зеркало? Первое, что пришло мне в голову. Вот только не факт, что за этим последует необходимый результат, то есть – все кончится. А может, как раз наоборот – разобьется оно, и ведьма шагнет сюда, в коридор.

Задать стрекача из квартиры? Тоже не вариант. Кто знает, что меня ждет за ее пределами? А если эта тварь уже себе напарницу нашла, и та меня на лестничной клетке ждет?

И вот тут я пожалел, что тем ментам ничего не рассказал. Может, не надо было мудрить, а взять и выложить все начистоту.

Так и стоял я в коридоре, словно статуя физкультурника – в трусах и в застывшей позе. Только без рельефной мускулатуры.

– А ну пошла отсюда! – раздался за моей спиной недовольный басок Вавилы Силыча. – Ты чего это творишь, плесень болотная? Кто тебе право дал вот так в чужие дома лезть?

– Замолчи, пенек! – взвизгнула ведьма. – Тебя не спросила! Это ничья сила, кто на нее руку наложит, того она и будет!

– Это мой дом, – Вавила Силыч, протопав мимо меня, подбежал к зеркалу. – И я тут хозяин. Пошла прочь, говорю!

Синева замигала, ведьма забарабанила кулаками по стеклу, и у меня сложилось впечатление, что она вот-вот его вышибет.

– Чего стоишь? – повернувшись ко мне, крикнул домовый. – Простыню давай!

Ну вот, хоть какая-то ясность появилась.

Хотя – какая, ко всем чертям, ясность? Простыня-то ему зачем? Что он с ней делать собирается?

Помотав головой и выкинув из нее на редкость отвратную картинку, которая поневоле мне представилась, я скакнул в комнату, чуть не запнувшись о комок, в который сплелись Родька и кот, сдернул простыню с кровати и метнулся обратно в коридор.

– Не смей, – заорала ведьма. – Феофил! Феофи-и-и-и-ил!

Из комнаты раздался дикий мям, но кот не появился.

– Накидывай на зеркало! – приказал мне домовый. – Живей!

Я бросился к зеркалу и оказался с ведьмой фактически лицом к лицу. Она вся тряслась от злобы и билась своим тщедушным телом о гладь стекла. Меня тоже передернуло, но от страха, выглядело это все уж очень жутко.

Кстати – и впрямь за ее спиной было болото. А может, пруд, заросший ряской. Или что-то еще в таком духе.

– Найду! – истово выдохнула старуха, прижав лицо к стеклу. – По капле кровь сцежу!

Я ничего не стал ей говорить, а просто накинул простынь на зеркало, точнее – на верхнюю часть гардероба. Ну или как там это сооружение в моей прихожей называется правильно?

Короче – скрыла простыня зеркало, и синий свет тут же померк, а через пару секунд вовсе исчез.

– Ффух, – выдохнул Вавила Силыч и вытер лоб короткопалой ладошкой. – Старая карга. Сто лет в обед, а все туда же. Родька, отпусти ты этого хвостатого уже, все закончилось.

– Убью его – тогда и отпущу, – раздался из комнаты спертый вопль, и что-то гроыхнуло и покатилося по полу.

– Не вздумай! – рявкнул домовый. – Только эдакой пакости мне тут и не хватало. Это ведьмин кот, он после смерти здесь будет до конца времен ошиваться. Отпусти его, я сказал.

И Вавила Силыч направился в комнату, последовал за ним и я, сразу включив в комнате свет.

Клубок из драчунов распался, они стояли друг напротив друга, как бы прикидывая – закончить стычку или продолжить? Обоим досталось – у кота была окровавлена морда, Родька был весь какой-то всклокоченный.

– Еще раз сунешься – точно удавлю, – погрозил кулаком Родька коту.

– Мя-я-я-я-я, – насмешливо протянул кот и повернул голову ко мне.

Я слышал, что эти животные очень умны, по заверениям кое-каких знакомых, они смышленнее многих людей. Нынче ночью я в этом убедился. В фосфоресцирующих глазах Феофила был разум, может, и нечеловеческий, но разум.

– Проваливай, – коротко приказал домовый и вытянул руку по направлению к балконной двери. – Родька, выпусти его.

– Мя-я-я-я-я, – кот было двинулся в сторону коридора, но домовый погрозил ему невесть откуда появившейся в его руках короткой дубинкой.

– Третий этаж, – заметил я. – Мне его не жалко совершенно, просто констатирую факт.

– Эту тварь с двадцатого бросить вниз можно, – заверил меня Вавила Силыч. – Все одно жив останется.

Родька подбежал к балконной двери, по шторе вскарабкался вверх и лихо открыл ее, повиснув на ручке.

– Давай, – в голосе домового была неприкрытая угроза. – И хозяйке своей скажи – еще раз в своем доме ее увижу – беда будет. Я существо мирное, но мое не тронь.

– Фррр, – презрительно сообщил нам кот, провел лапой по морде, стирая кровь. – Мя!

Он неторопливо прошел по комнате, на пороге балкона обернулся и посмотрел на меня. Клянусь – он улыбался. До того я считал, что улыбка кота бывает только в книгах Кэрролла. Нет, не только.

И это была очень, очень нехорошая улыбка.

После Феофил потянулся, как черная молния взвился в воздух и сгинул в ночной темноте.

– Я же говорю – эту пакость ни одна холера не возьмет, – Вавила Силыч громко выдохнул воздух. – Но хозяйка у него до чего наглая, а? Вот так, через зеркало, в дом человека.

– А что она нарушила-то? – я подошел к балконной двери и закрыл ее. – Есть какой-то кодекс или свод правил приличия?

– У любого дома есть хозяин, – сказал Вавила Силыч, озираясь. – Твоему – ты голова, а всему нашему подъезду – я. И только с нашего разрешения она может сюда войти. Так с давних времен ведется, таков покон. Слово хозяина открывает дверь – и никак иначе.

– Слово? И все? То есть – никаких последствий для этой старухи, если бы она сюда вошла и меня убила, не было бы? – уточнил я. – В смысле – громом бы ее не поразило, в пепел бы она не обратилась и так далее? Все, что ей грозило, так это только нарушение моральных норм поведения, принятых в вашем обществе?

– Ну, в общем, так, – подтвердил домовый. – Если бы этот кошак тебя царапнул и добыл кровь, то она смогла бы сюда попасть через лунную дорогу, ну а дальше – сам понимаешь. У нее твоя кровь была, та, что он намерен добыл – это как замок. А другая, полученная в твоём доме – это как ключ к нему. Одно с другим связал – и входи.

– Тогда чего ей останавливаться? – устало спросил я его. – В нашем мире несогласие съеданного давно уже не берется в расчет. При условии, что он слабее того, кто его ест.

Плохо дело. Оказалось, что мой дом не такая уж крепость. Точнее – вовсе не крепость.

– Куда мы катимся? – печально вздохнул домовый. – Еще лет сто назад ее за подобное свои же со света бы сжили. А сейчас всем на все наплевать.

– Плохо дело, – печально заметил я, поднимая с пола стул. – Не оставит она меня в покое.

– Это я виноват, – опустил голову домовый. – Не сообразил, что она через зеркало, лунной дорогой может пожаловать. Его еще вчера надо было простыней завесить. Средство простое, но надежное, проверенное.

– Лунной дорогой? – я уже во второй раз за последние пять минут услышал это словосочетание.

– Эта ведьма – она болотная, – пояснил Вавила Силыч. – Они же разные бывают, ведьмы-то. Какие на болотах живут и магию воды используют чаще других – те болотные. Лесные есть. Ну а больше всего деревенских. Теперь, пожалуй что, даже и городских. Но эта – болотная, потому у нее вода стоялая в лучших подругах. А стало быть – и лунный свет тоже, вода да луна – они, считай, как родные. Ну а через него дорогу от одного места до другого перекинуть можно запросто. Главное, чтобы в доме зеркало было, в котором лунный свет отражается. Кошак этот сегодня возле дома крутился, ну я его шуганул, понятное дело. А он, видать, и по карнизу успел пошастать, да зеркало и приметить. Я виноват, Александр, я. Не подумал, что старая хрычовка такой быстрой окажется, а потому тебя и не предупредил. Да еще как назло в сорок восьмой квартире трубу прорвало...

Я вышел в коридор и увидел, что и вправду свет луны через кухонное окно падает прямо на зеркало. Вот же. В жизни бы не подумал, что подобная мелочь может мне стоить жизни.

И вот тут меня затрясло. В прямом смысле. Как видно – испуг добрался до центральной нервной системы, и она отказала. Клянусь – даже зубы залязгали.

– Я теперь, наверное, вообще ни в какие зеркала смотреться не буду, – кое-как уняв дрожь, сообщил я, входя обратно в комнату. – Ну их нафиг.

– Не сможешь, – Вавила Силыч уже вскарабкался на стул и приглядывал за Родькой, который разгребал последствия борьбы с котом. А именно – собирал осколки разбившейся вазы. – Бриться тебе надо. Причесываться. Да ты не паникуй. Я же тебе говорю – зеркало ей нужно большое, чтобы она пройти в него смогла, да еще то, в котором лунный свет отражается. В другое ей не попасть.

– Успокоил, – сказал я и засмеялся.

Как видно, смех мой домовому не очень понравился, потому что он внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

Ну, прощения просим. Все-таки не каждый день я в зеркалах мерзких старушек вижу, которым нужна моя сила и мое сердце. Ну сила пока не моя, но сердце точно мое.

– Книгу тебе надо найти, – помолчав, сказал Вавила Силыч. – Без нее никак.

– Какую книгу? – устало поинтересовался я, присаживаясь на диван.

– Ведьмачью, какую же еще, – домовый ткнул пальцем в Родьку, который сметал в совок осколки. – Вон его бывшего хозяина. Была такая у него, и тебе она позарез нужна.

– В самом деле? – заинтересовался я услышанным и перевел взгляд на Родьку. – Что, была у него такая книга?

– Ага, – подтвердил тот. – Но она не только хозяина была, она ему по наследству досталась.

– Вот-вот, – Вавила Силыч закивал. – Мне то же самое Савва сказал. Эта книга, она тому достается, к кому сила переходит. Как по наследству. А тебе-то сила дурняком досталась, случайно, вот и книгу ты не получил. А без нее никак.

– Савва – он кто? – уточнил я.

– Савва Никитич – он как я, – объяснил мне домовый. – Только из первого подъезда. Он в нашем доме самый старший, он еще те времена помнит, когда люди людьми владели. Вот как.

– Если ты о крепостном праве, то вроде ничего и не изменилось с тех пор. Только называется это теперь по-другому, – не удержался я от колкости. – Извини. Подытожим – стало быть, где-то есть некая книга, без которой мне каюк?

– Ну, каюк – не каюк, – уклончиво ответил домовый. – Просто те, кто был до тебя – они пределы своей силы знали. К чему и как ее применить – тоже. И все это в книгу записывали. Да и не только это, надо думать. Заговоры, наговоры, рецепты – да мало ли? Вон как ведьму от тебя отвадить, из нее наверняка узнать можно. Или убить ее, поганку такую, конечной смертью.

– Верно-верно, – подтвердил Родька. – Хозяин что ни вечер, все в нее чего-то писал.

– А самое главное, – понизив голос, сказал Вавила Силыч, – может, там написано, как силу к себе привязать?

Вот это было уже что-то. В этот момент я понял, что меня томило весь день. Невозможность влиять на события. Я на самом деле не представлял, что мне делать. Не было ни одной зацепки, ни одной ниточки, за которую можно было бы потянуть.

Теперь она появилась.

– Ага, – дрожь окончательно ушла из коленей, и это меня порадовало. – Книга есть и лежит она где? Родион?

– Дома, – невозмутимо сказал тот. – Но где точно – я не знаю. Мне хозяин запретил это знать.

– Запретил знать? – в очередной раз удивился я. – Разве так можно? В смысле – не смотреть, куда он ее убирает?

– Нет, – повертел головой он. – Мне можно сказать: «Этого ты знать не должен». И я не буду знать.

Вроде как и объяснил, но в голове все равно это как-то не состыковывалось. Ладно, пес с ним. Не думаю, что там изба размером с коттедж олигарха, найду. Главное в эту избу попасть.

– Хорошо, – я встал и прошелся по комнате. – Где книга лежит, ты не знаешь. Но где дом стоит, в котором эта книга находится, ты представляешь?

– В деревне, – с готовностью ответил Родька.

– Название деревни какое, остолоп ты мохнатый! – не выдержал Вазила Силыч.

– Лозовка, – тут же ответил мой слуга.

– Очень хорошо, – я присел на корточки рядом с ним. – А как туда добраться?

– На поезде! – выпучил свои глаза-пуговицы Родька. – Ох, он и быстро едет! Не то, что раньше. И дымом не воняет. А потом пешком, через лес и поле.

Мы бились с ним еще минут пять, пытаюсь вызнать, на какой вокзал они с бывшим хозяином прибыли, сколько времени были в пути, как далеко эта самая Лозовка от станции, в общем – хоть что-то еще. Увы, но впустую. Родька просто ничего не знал. Он мог перечислить все доски в заборе возле дома, но сказать, где именно этот самый забор стоит – не мог.

Хорошо, что хоть название деревни знает. И на том спасибо. А дальше – «Яндекс» мне в помощь.

А еще в какой-то момент мне стало стыдно. Говорю о чем угодно, а самое-то главное не сделал.

– Родька, – я снова присел на корточки напротив своего помощника, который, выбросив осколки в мусорное ведро, вернулся в комнату. – Спасибо тебе. По сути, ты меня спас ведь. Прихватила бы меня эта ведьма прямо в кровати и на лоскуты порезала без твоей помощи.

– Так, а как по-другому? – без всякого наигрыша изумился тот. – Я тебя защищать должен.

– И вам, Вазила Силыч, спасибо огромное, – встав, повернулся я к домовому.

– Пустое, – махнул рукой он. – Не хватало еще, чтобы всякая погань по моему дому падала. Мне Витицких с пятого этажа хватает.

Это да. Витицкие с пятого этажа – это было что-то. Лично я трезвыми их ни разу не видел с тех пор, как сюда переехал. А года три назад они даже своеобразный рекорд поставили, прослушав ночью песню Михаила Круга «Кольщик» где-то раз тридцать подряд. И, возможно, еще столько же раз прослушали бы, но им не дали соседи, которые чуть не вышибли их дверь, барабанив в нее кулаками. Просто Витицкие, как добрые люди, хотели поделиться творчеством великого шансонье со всеми, а потому врубили это дело на полную громкость.

Очень интересные люди. И слава богу, что они живут на другой стороне лестничной клетки и на два этажа выше чем я. Хотя «Кольщика» и я тогда слышал.

– Пошли чай пить, – предложил я. – Все равно мне уже не уснуть. Да и смысла ложиться нет – скоро рассвет, чего там осталось-то.

Что интересно – спал всего ничего, а голова днем была светлая и зевота не пробилась. Как видно, очень сильный адреналиновый всплеск был. И потом – мне было над чем подумать.

Перво-наперво я пробил населенный пункт с названием «Лозовка» и изрядно опечалился. Всего было найдено на территории России двадцать восемь объектов, из которых деревнями являлись девятнадцать. Вроде бы немного, но вот какая беда – восемь из них находились

в Московской области, в разной степени отдаления от столицы. И до каждой из них можно было добраться на электричке – а именно ее Родька и называл поездом.

Восемь – это много. Не чрезмерно, но тем не менее. Объехать их реально, но вот только сколько подобные вылазки у меня времени займут? Нет, если взять отпуск, то за полторы недели, опять же, это все реализовать можно. Но есть ли у меня эти полторы недели? Да и отпуск получить задача непростая, он у меня по графику только через полтора месяца. У нас с этим строго.

Хотя, если поразмыслить, то получается дурь несусветная. В смысле, с отпусками. Ну вот откуда я в январе могу знать, что у меня к лету случится? Напишешь «июль», а он вон, в июне понадобится. Тьфу, кто такое только придумал?

Ладно, это все не главное. Главное теперь – книгу найти.

Еще я размышлял о том, что, возможно, мой ночной импульс по поводу звонка Нифонтову был верным. Нет, верить я ему не верил. Не то, чтобы я не доверял полиции, это не так. В конце концов, когда паленым пахнет, мы куда бежим? К ним. Больше некуда. Но при этом мой личный опыт говорил о том, что все-таки лучше от них держаться подальше и без особой нужды с ними не сталкиваться.

Был у нас один случай года два назад. Нагрянули к нам ребята в штатском, но с погонами, через него просвечивающими. Как положено нагрянули, с бойцами в масках, с видеокамерами, народ к стенам прислонили и давай три юридических дела фирм изымать, со всеми выписками. Еще заняли кабинет предправа и начали народ на допросы таскать, причем исключительно из операционного и юридического отделов. И все про эти фирмы расспрашивают – кто приходил, кто открывал счета, что вы помните, кто еще этих людей видел?

А фирмы не новые, им года по два было. С тех пор много народу из банка уволилось, в нашей среде это дело обычное. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше. Потому никто им ничего толком не рассказал, хоть они и крутили людей по полной, даже вроде как с угрозами.

Короче – изъяли эти архаровцы дела, да и ушли.

А через месяц выяснилось, с чего они такие настырные были. Оказывается, это их фирмы были. В смысле – под них открытые, через эти счета откаты проходили, уж не знаю, за что именно. Не знаю и знать не желаю. У них что-то где-то засбоило, прокол какой-то вышел, на хвост ССБ села, вот они следы и заматали. Но – не замели, поскольку наши ездили потом еще куда-то, уже по поводу той выемки показания давать.

Увы, но такая у нас работа, у банковских служащих. Мы хорошего в жизни не видим, потому что на чужих деньгах сидим. А где деньги – там светлого и доброго не жди, неоткуда ему взяться. Даже самые приятные люди могут в любой момент тебе такую свинью подбросить, что только держись, или выкинуть что-то такое, чего ты от них в жизни не ждал. И почти всегда в этом замешана полиция, которая в силу своих обязанностей, после этих выходов ведет расследование, как законом и предписано. То есть по каким-то хорошим поводам мы с ними не сталкиваемся и, как правило, выступаем свидетелями. А это, согласитесь, на позитивный лад не настраивает. Хотя – какие к ним претензии, это их работа.

Вот и выходит, что полиция – это вариант, но непонятно, в какую сторону события выкрутить могут в этом случае.

Короче, я решил так – дождусь звонка Маринки, может, она чего накопает. Если это случится – буду решать по результатам услышанного. Если не накопает ничего, и ситуация совсем перекося даст – плюну и позвоню. В конце концов, может они мне с этой Лозовкой как-то помогут. Даже наверняка – личность старика установлена, а значит, и его место жительства тоже.

Так-то вроде они ребята нормальные. Рыжая, правда, язва еще та, но это я переживу. Мне с ней под одним потолком не жить.

Маринка, кстати, так и не позвонила в течение дня. Ближе к вечеру я сам ее было набрал, но она буркнула в трубку что-то невразумительное и сбросила вызов.

Короче – так этот день ничего и не прояснил. В результате я плюнул на все, наелся от пупа, завесил все зеркала в квартире тряпками, посмеявшись над собой, положил на прикроватную тумбочку охотничий нож, что мне в прошлом году на днюху подарили, и лег спать.

Вот только и этой ночью мне выспаться была не судьба.

Разбудил меня Родька. Он тер мои щеки своими мохнатыми лапами и бормотал:

– Хозяин! Хозяин!

– Чего? – сонно отмахнулся я от него. – Дай покоя!

– Хозяин! – жалобно бормотал мой помощник, не оставляя своих попыток меня разбудить. – Хозяин!

– Ну, хозяин, – открыл я глаза наконец. – И что?

– Да нет, – всхлипнул Родька. – Хозяин!

И он вытянул лапку, показывая ей в угол комнаты, где у меня стояло кресло.

Я посмотрел туда, икнул и обреченно произнес:

– Твою-то мать!

Глава шестая

Мой ночной гость, устроившийся в кресле, поднял руку и погрозил мне пальцем. Как видно, не любил ругань. Ну оно и понятно – человек старой формации.

Хотя слово «человек» здесь являлось не очень верным. Больше к нему подходило словосочетание «бывший человек» или даже слово «призрак».

Ну да – призрак. И ведь что примечательно – я даже не очень-то его и испугался, хотя вроде и следовало это сделать. Как видно, психика, утомленная за последние дни новыми и яркими впечатлениями, уже попривыкла ко всему потустороннему и включила защитный механизм.

А может, я просто устал и окончательно смирился с тем, что на белом свете есть домовые, ведьмы, тролли, сатиры, наяды и дриады. И вон – призраки ведьмаков.

В кресле сидел тот самый старик, который мне и подложил эту сверхъестественную свинью. Как там его? Захар Петрович.

Он выглядел точно так же, как и три дня назад на Гоголевском бульваре, только теперь сквозь него шкаф было видно.

А вообще – забавно. Мне всегда казалось, что призраки – они немного другие. Ну, более пугающие, что ли. Здесь же – просто голограмма, как в кино. Сидит, отбрасывает голубоватый свет, на меня смотрит. Правда – не моргает.

Стоп. Три дня назад. Сегодня третий день, как он в лучший из миров отправился. Три дня, сорок дней... Что-то я об этом слышал. Или читал?

Вот так мы и сидели – я на кровати, он в кресле. В комнате царило солидное мужское молчание.

Ровно до той поры, пока мертвый со всего маха не хлопнул по подлокотнику кресла. Звук не последовало, но я дернулся и на автомате спросил у него:

– Чего?

– Того, – немного сварливо ответил ведьмак. – Дубина ты стоеросовая! Пока ты со мной в беседу не вступишь, я так и буду молчать. Таковы законы бытия – не может мертвый первым с живым заговорить.

– Надо же, – удивился я.

– Классику надо было читать, а не ерунду всякую, – лицо призрака передернуло гримаса, выглядело это любопытно, как помеха на телевизоре. – Например – Шекспира.

И тут я захохотал, причем в голос.

Ну а что? Вдумайтесь в комизм и идиотизм ситуации – призрак мертвого ведьмака объясняет мне, что надо Шекспира читать.

Кстати – а голос у него изменился. Он стал таким-то глухим, как когда из-под одеяла говорят. Хотя – чему удивляться? Он же там... Откуда не возвращаются. Ну во плоти не возвращаются, имеется в виду.

– А вы зачем здесь? – неуверенно спросил у него я.

Неуверенно, потому что не знал, что еще можно спросить у мертвого человека. Не доводилось мне раньше с покойниками общаться. Я вообще в загробную жизнь не верю.

Не верил.

Да и еще – как-то мне зябко стало. Первые ощущения миновали, и ко мне пришли обычные для нормального человека чувства. Все-таки дискомфортно живому рядом с мертвым находиться.

– Что жаться начал? – глаза ведьмака блеснули. – Страшно?

– Есть немного, – решил не врать я. – Вы поймите, я обычный человек, далекий от всех этих ваших штучек-дрючек. У меня за эти три дня вся жизнь чуть на слом не пошла. Ведьмы, коты, полицейские эти странные...

– Какая ведьма? – тут же спросил ночной гость.

– А мне всегда казалось, что мертвые все знают, – изумился я. – Ну им сверху видно все, и так далее.

– Чушь какая, – снова хлопнул ладонью по подлокотнику кресла ведьмак. – Дел у нас там других нет, только что за вами смотреть. Да и если бы захотели, кто нам это позволит?

– А кто запретит? – заинтересовался я.

Ну интересно же знать, что ТАМ? Может, как-то подготовиться. Да и вообще...

– Много будешь знать – плохо будешь спать, – усмехнулся покойник.

– Уже, – не удержался от сарказма я. – Каждую ночь невесть что происходит. Вчера – эта ерунда с зеркалом, сегодня вы...

И я поведал ему эпопею моего противостояния с мерзкой старухой.

– Не повезло тебе, – заметил мой гость после того, как я закончил свой рассказ. – Просто не повезло. На самом деле, ведьма эта как противник ничего не значит, смею тебя заверить. Сам посуди – что это за ведьма, коли она травы в городском парке копает? У вас тут земля дрянная, химия одна, что на ней вырастет? Настоящие сильные травы можно только в настоящем лесу или поле взять. Или на болоте. Это как еда, понимаешь? Есть настоящая сметана, а есть сметанный продукт. Или – масло и маргарин. А почему эта пачкуля не может взять настоящие травы?

– Почему? – с любопытством спросил я, поняв, что именно этого и ждет от меня прозрачный собеседник.

– Да кто ее, безродную, на свои делянки пустит? – пояснил ведьмак. – Какую-то мелочь – «иван-чай» там или что-то в этом роде она, может, и выкопает недалеко от города. А настоящие травы, вроде «адамовой головы» или «плакуна», из тех, что надо собирать в определенное время и в нужном месте – это нет. Там свои владительницы есть, и они ни с кем ничем делиться не станут. Так что тебе просто не повезло на нее наткнуться. Ну а остальное ты сам по своей собственной дури получил.

– Ну да, – даже как-то обиделся я. – А мне кто-то что-то объяснил? Использовали меня, а теперь еще и дураком вот назвали.

– Дурак и есть, – даже не подумал извиняться мертвец. – Был бы умный – прошел бы в парке мимо нее. Ладно, не об этом речь. Времени мало, а сказать мне тебе надо много чего.

– Стоп-стоп, – замахал руками я. – Прежде чем чего-то скажете, ответьте мне на один вопрос. Я имею на это право.

– Право он имеет, – усмехнулся ведьмак. – Ладно, задавай свой вопрос.

– Как мне от вашего подарка избавиться? – выпалил я. – Можно ли его кому-то передать, или что-то в этом роде? Ну вот не нужно мне это все, совсем не нужно. Я хочу жить как раньше – просто и предсказуемо, без всех этих гоголевских мотивов.

– Нельзя, – ведьмак, как мне показалось, улыбнулся. – Пока жив – никак ты от него не избавишься. Это насовсем.

Я только вздохнул. Ответ этот меня не удивил, но опечалил. Все-таки какая-то надежда теплилась – а вдруг? Но – увы, увы...

– Не грусти, – неожиданно мягко произнес мертвец. – Не так все плохо, поверь. Есть в том, что с тобой случилось, и плюсы. Ты женщин любишь?

– Да, – я спустил ноги с кровати на пол. – Вот только они ко мне не всегда ответные чувства питают.

– Если с силой совладаешь – почти все твои будут, – заверил меня призрак. – Правда-правда. А еще сокровища, скрытые в земле, без проблем находить сможешь. Правда, не всякие

из них брать можно, но это уже нюансы. Змеи тебе не страшны, не возьмет тебя теперь их яд. Ну и другое разное всякое, в зависимости от того, куда тебя стезя заведет. Подашься в лес – со зверями да птицами общий язык найдешь. Если врачевать станешь – ни одна лихоманка тебя не возьмет, и жить долго будешь. Ты у тех, кого спасешь, в качестве гонорара часть их здоровья забирать имеешь право. С каждого по крошке – вроде немного, а на пару-тройку лишних столетий наберешь.

– Долгая жизнь? – заинтересовался я. – Это любопытно. А еще какие плюсы будут?

– Много, – сказал старик. – Вот только все это для тебя начнется тогда, когда тебя сила признает.

– Вот! – хлопнул ладонью о ладонь я. – Как это сделать-то? Мне тут домовый про какую-то книгу говорил...

– Я так посмотрю, ты шустрый малый, – перебил меня ведьмак. – Домовой тебе помогает, советы даже дает. Мой-то меня недолюбливал.

– Просто я человек хороший, – скромность в данном случае была излишней. – Вот и все.

– Я сразу как-то так и подумал, – заверил меня мертвец. – Как только тебя увидел. Но книга – это не все.

– Давайте начнем с нее, а потом доберемся до остального, – гнул свою линию я. – Ведь без книги все равно никак?

Мне отчего-то казалось, что если я обзаведусь этим фолиантом, то жизнь, давшая крен, немного выровняется.

– Торопыга ты, – печально констатировал ведьмак. – Боюсь, это тебя и сгубит.

– Сами говорили – времени мало, – парировал я. – Потому – будем последовательны. Сначала материальное, потом – абстрактное.

Я уже понял, что сейчас призрак старик заведет шарманку в стиле «Звездных войн». Вот только это не кино, и я не джедай. И сила эта – она другой природы.

Мне сейчас нужен якорь. Это книга.

– Может, ты и прав, – согласился мой гость. – Значит так. Она в моем доме, лежит под подушкой на кровати.

Вот так просто и банально. Не в тайнике, не в подполе. Под подушкой на кровати. Проза жизни.

– А дом где? Что за Лозовка, по какому направлению?

– По Минскому, – я заметил, что он недовольно посмотрел на Родьку. – С Белорусского вокзала ехать. На Шаликово выйдешь, а там... Разберешься, в общем.

– Очень толковое объяснение, – отчего-то страх совсем ушел, зато у меня добавилось наглости. – Ну ладно, деревню эту я найду. А там-то куда? Какой дом, на какой улице?

– Деревня эта – одно название, – охотно сказал старик. – Половина домов заброшена. Мой – восьмой от околицы, с красной крышей. Да вон ту бестолочь бери с собой, он дороги только до деревни не знает, а там-то сориентируется.

Вообще-то Родька говорил, что ничего не помнит, но – поверю на слово. В конце концов – язык до Киева доведет.

– Значит, смотри, – деловито продолжал ведьмак. – Калитка открыта, не закрываю я ее. Ключ от двери лежит слева от порога, под кирпичом. Как войдешь в дом, сразу из притолоки вынь нож, который в нее воткнут. Это мое тебе наследство, наряду с книгой. Нож этот – непростой, им до тебя и меня много кто владел.

– Волшебный? – уточнил я.

– Что вы за люди? – снова завелся старик. – Нет, не волшебный. И ты не волшебник. И не будешь им. Нету в нашем мире волшебников. Мы есть, ведьмаки, колдуны имеются, ведьмы, даже упыри есть, а волшебников нет. Не бывает так, чтобы рукой махнул и дерево свалилось.

Его все равно пилить надо. Или жучка попросить, чтобы тот его подточил. Или гниль на него напустить.

– Понял, понял, – махнул ладонью я. – Так что с ножом?

– Нож этот – первый твой помощник, – разом успокоился дед. – Во всем. Если травки для зелья измельчать – так только им. Если жизнь свою защищать – так тоже им. Никуда без него. Вот как думаешь – почему он в притолоку воткнут?

– Не знаю, – решил не играть в загадки я, хотя версия у меня и была.

– Затем, чтобы чужой кто в дом не вошел, – важно сказал ведьмак. – Нет, простой человек войдет, это да. А вот если кто нашего корня – так ни в жизнь. Не сможет он через порог переступить. Ну про него в книге есть, прочтешь. Главное – сразу как его вынешь из дерева, себя его лезвием по ладони полосни, чтобы он твою кровь запомнил. Без этого он просто ножом будет, а не помощником. Да не скупись, понял? Щедро плесни крови-то. А то знаю я вас, нынешних, пальчик чуть порежешь и подумаешь, что это достаточно.

– Жуть какая, – передернул плечами я.

Не люблю кровь. Не то, чтобы боюсь, но не люблю.

– Зато с ним тебе ведьмы не так страшны будут, – пояснил ведьмак. – Например, та болотная слизь, только завидев его, сразу же испарилась бы. Я не шучу. Ведьмачий нож для ведьм ох как страшен! Это первейшее против них оружие. Если им ведьме рану нанести, хоть даже царапину, то ничем она ее не залечит. Будет та рана гноиться, отмокать, саднить и даже тухлецей подванивать. Это если легкая. А если в живот ее пырнуть или куда повыше – так может, и помрет она. А лекарство от такой раны одно – тот же самый нож.

– Это как? – жадно спросил я.

– Так, – дед довольно захекал. – Ведьмак должен его к порезу приложить и нужные слова сказать. И все это доброй волей. А такое бывает нечасто, чтобы ведьмак ведьму простил. Правда, и они нас, если что, не жалеют, есть у них против нас средства страшные, лютые. В книге все это написано, прочтешь. Но ты не трусь заранее, они без нужды с нами не связываются. Паритет. Знаешь такое слово? Показал нож, чтобы ведьма поняла кто ты есть, и пошел себе дальше. Только спиной к ней не поворачивайся при этом, от греха. Ну и нож с собой носить не забывай.

– А если никуда без этого ножа ходить нельзя, то чего же вы его в доме оставили? – резонно поинтересовался я.

– Почему, почему, – проворчал старик. – Потому! Надо, значит, так было.

Надо заметить, что он как-то потускнел за последние пару минут, и это меня обеспокоило.

– С книгой разобрались, – поспешно сказал я. – Теперь о силе. Как мне ее себе подчинить?

– Вот тут основная закавыка, – ведьмак еще немного поблек. – Не скажу я тебе точно, когда сила станет твоей и что для этого сделать надо. У всех по-разному бывает. Мне вот для этого почти умереть пришлось. Наставнику моему человеческую жизнь взять, да не абы как, а сердце вырезать. А что тебе судьба уготовила, мне неизвестно.

– Здорово, – я не удержался от смешка. – Получается пирожок ни с чем, уж простите меня за эти слова. «Я тебе расскажу, что делать. Вот только я не знаю, что делать».

– Ты не зарывайся, щегол, – рыкнул на меня дед, и сияние вокруг него ощутимо позеленело. – Если бы мог точнее сказать – сделал бы это. Мне мой наставник в свое время тоже самое говорил, что я тебе сейчас. Каждому свое, понимаешь? Но при этом совет тебе дам, тот же, что когда-то получил я – к себе прислушивайся, вообще будь повнимательней. Следи за тем, что происходит, сила все равно себя проявит. И вот то, в чем она себя проявит – это и есть твоя стезя. Может, ты мертвых слышать начнешь, может, хвори видеть, может, убить кого захочешь так, что сил никаких не будет. А как поймешь, к чему тебя сила подталкивает, то и копай

в этом направлении. Твори, экспериментировать, пробуй. Кто на месте не стоит, своего всегда добывается.

– То есть – если мне захочется кого-то убить, надо будет пойти и это сделать? – ошалело поинтересовался у него я.

– Ну не обязательно человека, – помолчав немного, ответил призрак. – Можно для начала курице голову отрубить или кота какого прирезать.

– Да не хочу я таким заниматься, – меня даже замутило. – Я животных не очень люблю, но и убивать их не желаю.

Ведьмак только засмеялся, глядя на меня своими мертвыми, немигающими глазами. И я понял, что он имел в виду. Меня никто спрашивать не будет, хочу я чего-то или нет. Все уже решено за меня. А если я буду упорствовать... Собственно?

– Скажите, что со мной будет, если я так и не найду общего языка с силой? – спросил я у молчащего старика. – Мне сказали, что она меня просто выжжет изнутри.

– Не совсем верно, – покачал головой мой собеседник. – Скорее – она тебя поглотит. Если говорить просто – ты сойдешь с ума. Не она будет в тебе, а ты станешь ей. Ну а что силе вздумается творить – мне неизвестно. Но для тебя это хорошо не кончится.

Вот тут-то мне и заглохло. Сходить с ума я не хотел, не входило это в мои планы.

– Сколько у меня есть времени? – заерзал на кровати я. – Недели? Месяцы?

Дед снова покачал головой, давая мне понять, что данный вопрос не имеет ответа.

– Весело, – я запустил руки в шевелюру, отметив, что пора бы наведаться в парикмахерскую. – Господи, вот за что мне это все?

– Не паникуй раньше времени, – невозмутимо изрек ведьмак. – Наведайся в мой дом, заведи нож, заведи книгу. А еще лучше – поживи в нем месяцок, пока лето на дворе. Там тебе и стены помогут, поверь мне. Город – это мертвое место, здесь нет земли, нет леса, нет того, что когда-то создало таких, как мы. Там – наш искон, наши корни. Там ты найдешь себя. Не спорю, там тебе тяжело придется, изнеженный ты, как все горожане, но зато путь виднее будет.

Я хмуро глянул на него. Ну да, предел моих мечтаний – бросить все, уехать в деревню. В народ.

– Что волком смотришь? – старик развеселился. – Я тебе дело говорю. Та же книга – ты сотой части не поймешь, если руками не сделаешь то, что в ней написано. Здесь это невозможно. А без этого – ты не ведьмак. Знаешь, как детишек в школе учат? Они сначала все вместе одно и то же узнают, а уж потом по институтам разбегаются, каждый по-своему. Вот и ведьмаки – путь у каждого свой, но исток один на всех, общий. Базовые знания, если по-современному говорить.

– Так книга – это всякие рецепты, что ли? – сообразил я. – Зелий и всего такого?

– И это тоже, – уклончиво ответил дед. – Заберешь – узнаешь. И вот еще что – ты там, в деревне, особо ни с кем не откровенничай – кто да что. У нас там разные люди есть, кое-кто может на тебя глаз положить. Если точнее – не на тебя, а на то, что я тебе передал. И это будет не болотная грязнуля, там дамы посерьезней.

– А говорите – поживи там, – я невесело посмеялся. – Противоречите себе.

– Вовсе нет, – невозмутимо произнес дед. – Сейчас ты приезжий, за тебя никто не спросит, а коли заселишься – соседом будешь. Сосед и приезжий – разные вещи. И отношение к ним разное. Покон есть покон, это тут его забыли, а там, у нас, такие вещи силу имеют до сих пор. Хотя это не повод для того, чтобы ворон ртом ловить. Соседа тоже сожрать можно, если с умом. Он даже вкуснее. Так что, парень, никому не верь и следи за тем, с кем и о чем разговариваешь. И не только там, а везде. Вот еще – в Лозовку с утра езжай, чтобы до темноты управиться. А если не успеешь – ночуй в доме, там безопасно, только домового упреди о том, кто ты есть такой. Он у меня вредный, может ночью и придушить.

– А почему? – уточнил я.

Нет, правда интересно. Звучит почти как в фильмах о вампирах, там всегда такие советы дают. И их всегда не слушают.

– Экий ты дятел, – опечалился ведьмак. – Сказано же – ты чужой. Тебя закружить да прикопать потом под березками боги велели. Лозовка не Киев и не Суздаль, но наши ведьмы не хуже ихних, поверь. Они свое мимо рта не пронесут. Я им не по зубам был, а ты – другое дело. Днем-то поостерегутся, а ночью точно тебя в оборот возьмут. Да, вот что – если ночевать будешь, то за порог ни шагу, а нож обратно в притолоку вбей, ясно?

– Куда яснее, – ответил я, давая себе зарок ни за какие коврижки там не ночевать.

Приехал, забрал, уехал. Все.

Блин, вот плохо, что я машину водить не умею. Ну вот не сложилось как-то. На машине куда сподручней было бы эту вылазку сделать. Нет, есть у меня приятели с автотранспортом, но, во-первых, у них всех свои планы на выходные есть, во-вторых – много чего объяснять придется. Это раньше дружба была понятием круглосуточным и безоговорочным, а теперь она взаимовыгодная и строго в рамках индивидуального пространства.

Но ехать надо, в любом случае. И руку себе резать тоже придется. Брррр, как представлю! Но – нужно. Ясно же уже, что вся эта на первый взгляд невозможная ерунда – она по-настоящему.

– Еще раз – не забудь нож своей кровью напоить, а то будет это просто железка, – назидательно сказал ведьмак. – Памяти у тебя нет, как я погляжу. Ты меня, вообще, слушаешь?

– И очень внимательно, – отозвался я, подметив, что призрак стал еще прозрачнее, если так можно сказать. Он все больше напоминал блеклую тень, черты лица, совсем недавно бывшие четкими, как-то размазались, расплылись.

– Однако, выходит мое время, – подтвердил мои догадки ночной гость. – Отмерили мне его маловато, да и то, что дали, кончается. Все, давай прощаться. В этой жизни мы больше с тобой не увидимся.

– А сороковой день? – удивился я. – Я читал...

– Читал, – ведьмак повел головой, давая понять, что ему весело. – Где моя душа и где остальные души? Нет, сынок, у них свое посмертие, а у меня свое, а потому и законы существования в мире теней тоже. Разные у нас точки прибытия. Как и у тебя теперь, уж не обессудь. Изменил я твою судьбу.

– Не могу сказать, что очень вам за это благодарен, – достаточно резко сказал я.

– Выбора у меня не было, – пояснил ведьмак немного виновато. – Я когда понял, что все, яд по венам идет, то чуть ли не в первый раз за жизнь испугался. Силу-то передать некому, а умереть без этого – хуже некуда. Даже не знаю, что сквернее может быть. Тут девки эти остановились, следом ты.

– Ну да, – я засопел. – Зарекался добрые дела делать...

– Извини, – ведьмак уставился на меня, через его глаза я видел ручку шкафа, и это смотрелось жутковато. – Выбор на тебя пал. Он у меня скромный был – ты или малец в коляске. Один ребяенок там девкой был, другой – мальчишка. Но отдай я силу ему – беда вышла бы. Он бы с ней точно не совладал, сам бы помер и мамку сгубил. И еще кого-нибудь. А ты хоть и недотепа, но головастый вроде. И вон зубы-то тоже есть. На бульваре я было подумал – телефон. А сейчас смотрю – нет, не совсем. Глядишь, в волка вырастешь.

Сомнительный комплимент. Но отчего-то стало приятно.

– Яд? – уцепился за его слова. – Вас отравили, что ли?

– И в самом деле по Шекспиру все, – невесело заметил ведьмак. – Правда, тут не белена была, а кое-что покрепче, такой яд, что мне его без своих трав и ножа не исцелить. А они – дома, за сто верст. Все он просчитал, собака такая.

– Кто – «он»?

Призрак помахал рукой, которая уже была еле различима, давая понять, что этого он мне не скажет.

– Нельзя, – пояснил он свой жест. – Он один из наших, вдобавок с миром теней на «ты». Еще услышит, что кто-то из-за кромки его помянул, греха не оберешься. Да и ни к чему тебе его имя. Он про тебя не знает – и хвала богам. А то ведь непременно захочет довести все до конца и тебя не пожалеет.

– А может, знает? – расстроено произнес я. – Просто выжидает.

– Нет, – покачал головой призрак. – Он своего слугу за мной пустил, как я теперь понимаю – хотел его глазами на мой конец посмотреть, да я того со следа сбил, так что не волнуйся. Но – хитер, не отнять. Столько лет выжидал, чтобы своего добиться, меня в землю уложить – и дождался. Но тут я сам виноват, слабину дал. Так что мстить за меня не надо.

– Да и не собирался, – даже удивился последней фразе я. – С чего бы? Не обижайтесь, конечно, но у меня такого в планах не значится. Мне бы теперь с вашим наследством разгрестись, какая тут месть?

– Разгробешься, – уверенно заявил призрак и встал с кресла. – Ну все, парень, светляк уж угасает. Пошел я. Не поминай лихом.

– Какой светляк? – повертел я головой. – Где?

– Вот ты все-таки полено необразованное, – голос ночного гостя стал еле слышимым. – Классику читай.

По комнате пронесся легкий ветерок, взъерошил мои волосы, и установилась звенящая тишина.

– Даже «до свидания» мне не сказал, – обиженно буркнул Родька. – А столько лет вместе были.

– Не успел, – успокоил я его. – Не обижайся. У меня тоже еще вагон вопросов был. А днем я вообще на себе волосы буду рвать по тому поводу, что что-то очень важное и нужное не спросил. Просто в силу того, что не сообразил, о чем спрашивать. Я же не знал, что он в гости припрется?

– А мы домой поедем? – блеснули в серых предутренних сумерках, которые уже ползли в комнату, глаза Родьки.

– Поедем, – неохотно признал я. – Куда деваться?

– Жить? – с надеждой спросил он. – Как бывший хозяин сказал?

– Нет, – опечалил его я. – Только забрать имущество, что мне причитается. Жить я там не хочу. Я дитя асфальта, мне вне города дискомфортно. День-другой – еще туда-сюда. Шашлычок там, искупаться, может, даже рыбку половить. А на месяц – это без меня.

– Там хорошо, – попробовал уговорить меня мохнатик. – Там воздух свежий, грибы, орехи. Дом у нас ого-го какой – крепкий, теплый.

– И это прекрасно, – погладил я его по голове. – Но жить мы будем здесь. Здесь есть телефон, горячая вода, радиоточка и так далее, по тексту песни.

– Какой песни? – не понял Родька.

– Хорошей, – пояснил я, укладываясь обратно в кровать. – Про жизнь. Форточку не открывал?

Вопрос этот был не праздный. Я прошлой ночью как-то не поинтересовался у Родьки и Вавилы Силыча, – а как кошка ведьмы в квартиру попал? Не через зеркало же? Не спросил, и в результате весь день на работе голову над этим вопросом ломал. Оказалось, что все просто – через открытую форточку на кухне. И никакого колдунства. Так что теперь она у меня как граница – на замке. То есть – на засове.

Надо же, оказывается, что ведьма, которая меня так напугала, с точки зрения матерого ведьмака – никто. Как он ее – «грязнуля», «пачкуля». Вообще ни в грош не ставил. Но если эта – никто, то какие же тогда другие ведьмы? Те, которые покруче будут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.